

Жорж Сименон

Мегрэ и сумасшедшая

<http://book.zehinli.info>

ГЛАВА I

Полицейский Пико стоял справа у ворот на набережной Орфевр, а слева - его коллега Латю. Было около десяти часов утра, пригревало майское солнце, в свете которого Париж приобретал пастельные тона.

Именно тогда Пико заметил маленькую старушку в белой шляпке, белых нитяных перчатках и платье серо-стального цвета. У нее были худые, искривленные от старости ноги.

Он не обратил на нее внимания. Была ли у нее в руках корзинка с покупками или сумочка? Он не помнил. Не заметил, когда она пришла.

Стояла на тротуаре, в двух шагах от него, и смотрела на машины, находившиеся во дворе уголовной полиции.

Любопытные, главным образом туристы, часто заглядывают на набережную Орфевр. Старушка подошла к воротам, оглядела полицейского с ног до головы, потом повернулась и пошла в сторону Нового моста.

На следующий день Пико снова дежурил и увидел ее во второй раз, в то же время, что и вчера. На этот раз, видимо, после долгих колебаний, она подошла к нему и спросила:

- Здесь находится бюро комиссара Мегрэ?
- Да, на втором этаже.

Старушка подняла голову и посмотрела на окна. У нее были красивые, тонкие черты лица, а ее светло-серые глаза, казалось, никогда не покидало удивленное выражение.

- Благодарю вас.

И отошла мелкими шажками. Да, в руках у нее была сетка с покупками; можно было предположить, что она живет в этом районе.

Следующий день у Пико был свободным. Его сменщик не обратил внимания на старушку, когда она проскользнула во двор.

Минуту она колебалась, затем вошла в подъезд, находящийся с левой стороны. Длинный коридор на втором этаже произвел на нее большое впечатление, она почувствовала себя слегка потерянной. Швейцар, старый Жозеф, подошел к ней и вежливо спросил:

- Вы кого-нибудь разыскиваете?
- Комиссара Мегрэ.
- Вы хотите поговорить с комиссаром?
- Да. Я для этого пришла.

- У вас есть повестка?

Огорченная, она отрицательно замотала головой.

- Вы хотите что-нибудь передать ему?

- Мне необходимо поговорить с ним. Это очень важное дело.

- Заполните бланк, а я узнаю, сможет ли комиссар вас принять.

Она села за столик, покрытый зеленым сукном. В свежеекрашенном помещении стоял сильный запах краски. Она заметила, что для учреждения обстановка здесь довольно веселая.

Первый бланк она порвала. Писала медленно, раздумывая над каждым словом, некоторые из них подчеркивала. Второй бланк также оказался в корзине, потом третий. Только четвертый ее удовлетворил. Она обратилась к старому Жозефу:

- Вы отдадите ему в собственные руки?

- Да, конечно.

- Он, наверное, очень занят?

- Очень.

- Вы думаете, он меня примет?

- Не знаю.

Ей было за восемьдесят, лет восемьдесят шесть-восемьдесят семь, а весила она, пожалуй, не больше, чем девочка. Ее тело как бы утончилось с годами, у нее была тонкая, просвечивающая кожа. Она несмело улыбалась, как бы желая очаровать добряка Жозефа.

- Прошу вас, сделайте все, что в ваших силах. Это так важно для меня!

- Присядьте, пожалуйста.

Жозеф подошел к двери и постучал.

Мегрэ беседовал со стоящими перед ним инспекторами Жанвье и Лапуэнтотом. Сквозь широко открытое окно доносился уличный шум.

Мегрэ взял бланк, взглянул на него, нахмурил брови.

- Как она выглядит?

- Очень приличная пожилая дама, немного несмелая. Попросила меня постараться, чтобы вы ее приняли.

В первой графе она написала свою фамилию очень решительным и аккуратным почерком: "Антуан де Караме".

В графе "адрес" вписала: "8 "б", набережная Межесери".

Наконец как причину прихода сообщила: "Необходимо встретиться с комиссаром Мегрэ по делу огромного значения. Это вопрос жизни и смерти".

- Это сумасшедшая? - пробормотал Мегрэ, попыхивая трубкой.

- Не похоже. Она очень сдержанна.

Чиновники с набережной Орфевр привыкли к письмам от сумасшедших или неуравновешенных людей. Обычно в их письмах некоторые слова были подчеркнуты.

- Примешь ее, Лапуэнт? Иначе она будет приходить каждый день.

Через две минуты старушку проводили в маленькую комнату в глубине коридора. Лапуэнт был один, он стоял около окна.

- Входите, пожалуйста. Не хотите ли присесть?

Взглянув на него с интересом, она спросила:

- Вы его сын?

- Сын... кого?
- Комиссара.
- Нет, что вы! Я инспектор.
- Но вы же дитя!
- Мне двадцать семь лет.

Это была правда, но правдой было также и то, что он выглядел на двадцать два года, и чаще его принимали за студента, чем за полицейского.

- Мне бы хотелось увидеться с комиссаром Мегрэ.
- К сожалению, он очень занят и не может вас принять.

Она колебалась, крутила в руках белую сумочку и не могла решить, нужно ли ей присесть.

- А если я приду завтра?
- Будет то же самое.
- Комиссар Мегрэ никогда никого не принимает?
- Только в случаях особенно серьезных.
- Но это исключительно серьезный случай. Это вопрос жизни и смерти.
- Вы написали об этом.
- Значит?..
- Если вы расскажете мне, в чем дело, я передам это комиссару, и он решит.
- Он встретится со мной?
- Ничего не могу обещать, но это не исключено.

Казалось, она долго взвешивала все "за" и "против", пока наконец не присела на краешек стула, напротив Лапуэнта, который сел за стол.

- В чем дело?

- Прежде всего, должна вам сказать, что я уже сорок два года живу в одном и том же доме на набережной Межесери. На первом этаже находится магазин птиц, и когда летом хозяин выставляет клетки на тротуар, я целый день слушаю их пение.

- Вы говорили об опасности.

- Несомненно, мне грозит опасность, но вы, конечно, подумали, что я брежу. Молодежь вообще думает, что старики теряют разум.

- Мне это и в голову не пришло.

- Не знаю, как вам это объяснить. Со времени смерти моего второго мужа, то есть двенадцать лет, я живу одна, и никто никогда ко мне не приходит. Меня это вполне устраивает, и я хочу вести такой образ жизни до самой смерти. Мне восемьдесят шесть лет, и мне не нужен никто, чтобы помогать по хозяйству.

- У вас есть какие-нибудь животные? Собака, кошка?

- Нет. Я вам уже сказала, что слушаю пение птиц на первом этаже, ведь я живу на втором.

- На что же вы жалуетесь?

- Трудно сказать. По крайней мере пять раз в течение последних двух недель вещи у меня в доме меняли свое место.

- Вы хотите сказать, что, вернувшись домой, не находите их на своих местах?

- Вот именно. Картина на стене слегка перекошена или ваза перевернута другой стороной.

- Вы в этом уверены?

- Вот видите! Из-за того, что я стара, вы не верите, что у меня крепкая память. Я ведь говорила вам, что живу в этом доме сорок два года! А значит, точно знаю, где что лежит.

- У вас ничего не украдено? Ничего не исчезло?

- Нет, господин инспектор.

- Деньги вы храните дома?

- Очень немного. Столько, сколько нужно на месяц. Мой первый муж: служил в мэрии и оставил мне ренту, которую я регулярно получаю. Кроме того, у меня сбережения на книжке.

- У вас есть какие-нибудь ценности, картины, безделушки или что-нибудь еще?

- Мои вещи представляют ценность лишь для меня, они не имеют рыночной стоимости.

- Этот посетитель не оставляет следов? В дождливый день он мог бы, например, оставить следы обуви.

- Дождя не было уже дней десять.

- Пепел от сигарет?

- Нет.

- У кого-нибудь есть ключ от вашей квартиры?

- Нет. Единственный ключ, который существует, у меня в сумочке.

Он озадаченно посмотрел на нее.

- Значит, вы жалуетесь на то, что вещи в вашей квартире меняют свое место?

- Да.

- Вы никогда ни на кого не натыкались?

- Никогда.

- У вас есть дети?

- К сожалению, у меня их никогда не было.

- Родственники?

- Племянница, которая работает массажисткой, но я ее редко вижу, хотя она живет близко, на другой стороне Сены.

- Друзья? Подруги?

- Большинство людей, которых я знала, умерли... Но это не все... - она говорила нормальным голосом, глядя ему прямо в глаза. - За мною следят.

- Вы хотите сказать, что кто-то следит за вами на улице?

- Да.

- Вы видели этого человека?

- Внезапно поворачиваясь, я видела много людей, но не знаю, кто из них.

- Вы часто выходите из дома?

- Первый раз - утром. Около восьми иду за покупками. Жалко - Чрева Парижа уже нет. Рынок был в двух шагах, а у меня есть свои привычки. С тех пор, как его ликвидировали, я пользуюсь разными магазинами. Но все это не то.

- Тот, кто следит за вами, мужчина?

- Не знаю.

- Думаю, что часов в десять вы возвращаетесь домой?

- Примерно. Сажусь у окна и чищу овощи.

- Послеобеденное время вы проводите дома?

- Только тогда, когда идет дождь или холодно. Обычно я отправляюсь посидеть на скамейке в парке Тюильри. Я не одна так делаю. Много людей моего возраста там бывает.

- И кто-то следит за вами в Тюильри?

- За мною следят, когда я выхожу из дома, как бы желая убедиться, что я не вернусь тут же.

- Ас вами это случалось?

- Три раза. Я возвращалась домой, притворившись, будто что-то забыла.

- И, конечно, никого не было?

- А все-таки много раз вещи были передвинуты. Кто-то что-то хочет от меня, не знаю почему, ведь я никогда никому не приносила вреда.

- Чем занимался ваш муж в мэрии?

- Мой первый муж был заведующим отделом. Это очень ответственный пост. К сожалению, он умер молодым, в возрасте сорока пяти лет, от сердечного приступа.

- Вы вышли замуж во второй раз...

- Примерно десять лет спустя. Мой второй муж заведовал секцией в универсальном магазине напротив мэрии. Он занимался сельскохозяйственными орудиями и вообще мелким инвентарем.

- Он тоже умер?

- Он давно был на пенсии. Если бы он был жив, ему было бы девяносто два года.

- Когда он умер?

- Я же говорила вам: двенадцать лет назад.

- Он не оставил семьи? Был вдовцом, когда женился на вас?

- У него был сын, который сейчас живет в Венесуэле.

- Я передам комиссару все, что вы мне рассказали.

- И вы думаете, что он меня примет?

- Если он решит вас принять, то пришлет вам повестку.

- У вас есть мой адрес?

- Вы написали его на бланке, не так ли?

- Да. Я не забыла об этом. Понимаете, я ему так доверяю! Думаю, что только он поймет меня. Я говорю это не для того, чтобы вас обидеть, но вы мне кажетесь таким молодым...

Он проводил ее до двери и потом по коридору до самой лестницы.

Когда он вошел к Мегрэ, Жанвье уже там не было.

- Ну что?

- Думаю, что вы правы, комиссар. Это сумасшедшая. Но спокойная, очень спокойная, прекрасно владеет собой. Ей восемьдесят шесть лет - хотелось бы мне сохранить рассудок в таком возрасте.

- А какая опасность ей грозит?

- Свыше сорока лет она живет в одном и том же доме на набережной Межесери. Дважды была замужем. Утверждает, что во время ее отсутствия вещи в квартире меняют свое место.

Мегрэ закурил трубку.

- Какие вещи, например?

- Она находит покосившиеся картины, переставленные вазы...

- У нее есть собака или кошка?

- Нет. Ей достаточно пения птиц на первом этаже.

- Ничего больше?

- Почти. Она убеждена, что кто-то следит за ней на улице.
- Она кого-нибудь заметила?
- Конечно, нет. Это мания.
- Она придет еще?
- Хочет встретиться лично с вами. Говорит о вас, как о боге, вы для нее единственный, кто может в этом разобраться. Что мне делать?
- Ничего!
- Но она вернется!
- Тогда увидим. На всякий случай расспроси консьержку Мегрэ углубился в бумаги, а молодой Лапуэнт вернулся в комнату инспекторов.
- Она сумасшедшая? - спросил его Жанвье.
- Возможно, но не похожа на других.
- У тебя много знакомых сумасшедших?
- Одна из моих теток лежит в психиатрической лечебнице.
- Кажется, эта старушка произвела на тебя впечатление - Немного. Она смотрела на меня, как на сопляка, который ничего не понимает. Она верит только в Мегрэ.

После обеда Лапуэнт прошелся по набережной Межесери, где в основном расположены магазины, торгующие птицами и мелкими животными. Погода была прекрасной, владельцы кафе выставили столики на тротуар. Подняв голову, Лапуэнт заметил, что на втором этаже окна открыты. С трудом он нашел комнату консьержки в глубине двора. Ее хозяйка, греясь на солнце, штопала мужские носки.

- Вы к кому?
- Он показал ей удостоверение уголовной полиции.
- Мне бы хотелось услышать все, что вы знаете о некоей госпоже Антуан де Караме. Ведь ее так зовут, правда? Это старая дама, которая живет на втором этаже.
  - Знаю, знаю. Антуан - фамилия ее второго мужа, поэтому и ее фамилия Антуан. Но она так гордится первым мужем, который занимал важный пост в мэрии, и взяла фамилию Антуан де Караме.
  - Как она ведет себя?
  - Что вы имеете в виду?
  - Она не странновата?
  - Интересно, почему вдруг полиция заинтересовалась госпожой Антуан?
  - Она сама попросила об этом.
  - На что она жалуется?
  - Вроде бы в ее отсутствие предметы в квартире меняют место. Она вам никогда об этом не говорила?
  - Спрашивала только, не видела ли я, чтобы кто-то крутился у ее квартиры. Я сказала, что нет. Ведь отсюда не видно, когда кто-то входит или выходит. Лестница у ворот.
  - Кто-нибудь ее посещает?
  - Племянница, раз или два в месяц. Но бывает, что не приходит по три месяца.
  - Госпожа Антуан ведет себя нормально?
  - Как все одинокие старушки. Она получила хорошее воспитание и со всеми любезна.
  - Она у себя сейчас?

- Нет. Она пользуется каждой минутой солнечного дня и скорее всего сидит на скамейке в Тюильри.

- А с вами она иногда разговаривает?

- Мы обмениваемся парой слов. Обычно она спрашивает о моем муже, который лежит в больнице.

- Благодарю вас.

- Я думаю, мне не надо сообщать ей об этой беседе?

- Это не имеет значения.

- Во всяком случае, я не думаю, чтобы она была сумасшедшей. У нее свои странности, как и у всех стариков, но не больше, чем у остальных.

- Возможно, я еще зайду.

Мегрэ был в хорошем настроении. Вот уже десять дней с неба не упало ни капли дождя, дул легкий ветерок, небо было светло-голубым, и при этой идеальной майской погоде Париж: был похож на опереточную декорацию.

Он немного засиделся у себя в кабинете, просматривая уже давно лежащий рапорт, от которого ему хотелось избавиться. С улицы доносился шум машин и автобусов, время от времени - звук сирены буксира.

Было уже около семи, когда он открыл дверь в соседнюю комнату, где дежурил Люка и еще два или три инспектора, - он пожелал им спокойной ночи.

Спускаясь по лестнице, а затем проходя через ворота мимо двух дежурных полицейских, которые отдали ему честь, он размышлял, не зайти ли ему в пивную "Дофин" выпить аперитив.

В конце концов решил идти прямо домой.

Но не успел он сделать несколько шагов в сторону бульвара Пале, как перед ним появилась старушка, которую он сразу узнал по описанию Лапуэнта.

- Это вы, правда? - спросила она взволнованно.

Она не произнесла даже его имени. Это мог быть только он, знаменитый комиссар, о котором она столько читала в газетах. Она даже вырезала статьи и наклеивала их в тетрадь.

- Простите, что я задерживаю вас на улице, но те, там, наверху, не позволяют мне войти к вам.

Мегрэ почувствовал себя немного смешным и представил иронические улыбки стоящих сзади полицейских.

- Я, конечно, их понимаю. Я к ним не в претензии. Они ведь должны дать вам спокойно работать, правда?

Комиссара больше всего поразили ее чистые серые глаза, одновременно кроткие и сияющие. Она улыбалась ему. Она чувствовала себя на седьмом небе. В ее маленькой фигурке ощущалась необычная энергия.

- В какую сторону вы идете? Он назвал мост Сен-Мишель.

- Вам не помешает, если я пойду вместе с вами? Она семенила рядом с ним и от этого казалась еще меньше.

- Прежде всего, вы должны знать, что я не сумасшедшая. Я знаю, как молодые смотрят на стариков, а я уже стара.

- Вам восемьдесят шесть лет, правда?

- Вижу, что молодой человек, который меня принимал, рассказал вам обо мне. Он слишком молод для своей профессии, но хорошо воспитан и очень вежлив.

- Вы долго меня ждали здесь?

- Я пришла без пяти шесть. Подумала, что в шесть вы кончаете работу.
Видела много людей, выходящих из здания, но вас среди них не было.
Значит, она ждала его целый час, стояла на улице, а охранники равнодушно смотрели на нее.
- Я чувствую опасность. Не без причины кто-то пробирается в мой дом и роется в моих вещах.
- Откуда вы знаете, что в ваших вещах роются?
- Потому что я не нахожу их там, где оставила. Каждая вещь у меня имеет свое место, установленное сорок лет назад.

- Это часто случается?
- По крайней мере четыре раза.
- У вас есть какие-нибудь ценные вещи?
- Нет, господин комиссар. Только мелочи, собранные за всю жизнь.
Она внезапно обернулась, и он спросил:
- За вами кто-то следит сейчас?
- Сейчас нет, нет. Умоляю вас, зайдите ко мне. На месте вы лучше поймете.
- Я сделаю все, чтобы найти время.
- Сделайте это для старой женщины. Набережная Меже-сери в двух шагах отсюда. Зайдите ко мне в ближайшие дни, обещаю, что не буду вас задерживать. Обещаю также, что в полицию я больше не приду.

Она была достаточно хитра.

- Я приду вскоре, - пообещал он.
- На этой неделе?
- Может быть, на этой. Если нет, то на следующей. Они подошли к автобусной остановке.
- Прошу меня извинить, но сейчас я должен идти домой.
- Я надеюсь на вас, - сказала она. - Я вам верю.

Сейчас, оставшись один, он затруднился бы сказать, что он о ней думает. Несомненно, ее история была одна из тех, которые из самых невинных побуждений придумывают мифоманы. Но когда он стоял перед ней и смотрел ей в глаза, то склонен был воспринять ее рассказ всерьез.

Мегрэ вернулся домой. Стол был уже накрыт к ужину. Он поцеловал жену в обе щеки.

- Наверное, в такую прекрасную погоду ты выходила прогуляться?

- Я ходила за покупками.

Он задал ей вопрос, который ее удивил.

- Ты тоже посидиваешь на скамейке в парке? Ей пришлось порыться в памяти.
- Конечно, со мной это случалось. Например, когда я ждала своей очереди к зубному врачу.
- Сегодня я встретился с женщиной, которая все послеобеденное время проводит на скамейке в Тюильри.

- Так делают многие.

- А с тобой кто-нибудь пробовал заговорить?

- По крайней мере раз. Мать маленькой девочки попросила, чтобы я несколько минут за ней посмотрела. Она хотела купить что-то в магазине на другой стороне сквера.

Окно было открыто. На ужин ели холодное мясо с майонезом и салат.

- Может быть, немного пройдемся?

Они вышли на улицу. Солнце еще окрашивало небо в розовый цвет, на бульваре Ришар-Ленуар было тихо, в окнах домов виднелись люди. Супруги Мегрэ смотрели на прохожих, на витрины,

время от времени обменивались короткими фразами. Прошли на площадь Бастилии, потом возвратились бульваром Бомарше.

- Я принял сегодня странную старушку. Точнее, Лапуэнт ее принял. Она ждала меня перед зданием и остановила на улице. Судя по тому, что она говорила, это сумасшедшая. Во всяком случае, слегка помешанная.

- Что у нее произошло?

- Ничего. Утверждает только, что, когда возвращается домой, замечает, будто вещи лежат не на обычных местах.

- У нее нет кота?

- Лапуэнт ее об этом спрашивал. У нее нет никаких животных. Она живет над магазином птиц, и этого ей достаточно. Она целый день слушает пение птиц.

- Ты думаешь, она говорит правду?

- Пока я с ней разговаривал, я ей верил. У нее серые глаза, чистые и добрые. Я бы даже сказал: полные душевной простоты. Двенадцать лет она вдова. Семьи у нее нет, живет одна. Кроме племянницы, не встречается ни с кем. Утром идет за покупками, в белой шляпке и белых перчатках. После обеда обычно сидит на скамейке в Тюильри. Не жалуется. Не скучает.

Кажется, что одиночество ее не тяготит.

- Ты знаешь, многие старики так живут.

- Хочу тебе верить, но в ней есть что-то такое, чего я не могу определить.

Когда они вернулись домой, уже стемнело и немного похолодало. Они рано легли спать. На следующее утро погода была все еще прекрасной, и Мегрэ решил пойти на работу пешком.

Как обычно, его ждал ворох писем. Он просмотрел их, принял инспекторов и выслушал рапорты. Ничего серьезного не было.

Первую половину дня он провел как обычно, пообедать решил в пивной "Дофин" и позвонил жене, что не приедет домой. После обеда пошел не спеша на набережную Меже-сери, когда случайно встретил старого приятеля, который был на пенсии. Греясь на солнце, они беседовали минут пятнадцать.

Дважды он подумал о старушке, которую инспектора уже окрестили "старой сумасшедшей Мегрэ". Дважды отложил свой визит к ней на более поздний срок.

Вечером они с женою смотрели телевизор. Утром он поехал на работу на автобусе, так как опаздывал. Около двенадцати ему позвонил комиссар полиции первого округа.

- Есть дело, которое должно вас заинтересовать. Консьержка говорила мне, что один из ваших инспекторов, молодой, очень интересный, был у нее.

Он сразу догадался, в чем дело.

- Набережная Межесери?

- Да.

- Она мертва?

- Да.

- Вы там?

- Я на первом этаже, в магазине, в ее квартире нет телефона.

- Сейчас приеду.

Лапуэнт сидел в соседней комнате.

- Поедем со мной.

- Что-нибудь серьезное, шеф?

- Для меня и тебя - да. Это касается старухи...

- Той, в белой шляпке, с серыми глазами?

- Да. Она мертва.

- Убита?

- Полагаю, что да. Иначе бы Жентон меня не вызывал.

Машиной они не воспользовались, шли быстро. Комиссар Жентон, которого Мегрэ хорошо знал, ждал у края тротуара, рядом с попугаем, привязанным тонкой цепочкой к жердочке.

- Вы ее знали?

- Видел ее всего один раз. Обещал, что на днях зайду к ней. Чуть-чуть не зашел вчера.

- Изменило бы это что-нибудь?

- Есть кто-нибудь наверху?

- Один из моих людей и доктор Форню, который только что пришел.

- Как она погибла?

- Еще не знаю. Около половины одиннадцатого соседка заметила, что дверь приоткрыта. Не придав этому значения, она пошла по своим делам.

Когда в одиннадцать вернулась, дверь все еще была открыта, поэтому она позвала: "Госпожа Антуан, госпожа Антуан!.. Вы дома?" Так как никто не отвечал, толкнула дверь... Чуть-чуть не споткнулась о тело.

- Она лежала на полу?

- Да, в прихожей. Соседка тут же позвонила в полицию. Мегрэ медленно поднимался по лестнице, лицо его было мрачным.

- Как она одета?

- Одеты для выхода, в белой шляпке и перчатках.

- Ни одной видимой раны?

- Я ничего не заметил. Консьержка сказала, что один из ваших людей был здесь три дня назад и расспрашивал о ней, поэтому я сразу вам позвонил.

В тот момент, когда трое мужчин вошли в коридор, доктор Форню поднимался с колен.

Они поздоровались за руку.

- Вы установили причину смерти?

- Ее задушили.

- Вы хотите сказать, что ей сдавили горло?

- Нет. Кто-то воспользовался полотенцем или платком, которым он зажимал ей рот и нос, пока не наступила смерть.

- Вы в этом уверены?

- Я смогу подтвердить это после вскрытия.

Сквозь широко открытое окно доносились голоса птиц.

- Когда это могло произойти?

- Вчера, во второй половине дня или вечером.

После смерти старушка казалась еще меньше, чем при жизни. На полу лежало хрупкое тело со странно согнутой ногой, что придавало ему вид поломанной куклы.

- Сколько потребовалось времени, по вашему мнению, чтобы убить ее таким способом?

- Трудно сказать точно, особенно принимая во внимание ее возраст.

Пять минут? Чуть больше, чуть меньше.

- Лапуэнт, позвони в прокуратуру и в лабораторию. Скажи Моэрсу, чтобы прислал группу.
- Я вам еще нужен? Я пришлю санитарную машину, чтобы отвезти ее в Институт судебной медицины.

Комиссар послал полицейского вниз, где уже собрались люди.

- Пусть разойдутся. Это не ярмарка.

Оба привыкли к преступлениям, тем не менее были взволнованы. Может быть, потому, что дело касалось очень старой женщины.

И квартира была старой - как бы перенесенной из начала века или даже из конца прошлого. Солидная полированная мебель из тяжелого красного дерева, обитые ярко-красным плюшем кресла, какие еще можно увидеть в провинциальных гостиных, множество безделушек и фотографий в рамках на всех стенах, оклеенных обоями в цветочек.

- Нам не остается ничего иного, как ждать людей из прокуратуры.

- Они скоро будут здесь. Пришлют первого попавшегося заместителя прокурора с секретарем, он оглядится по сторонам, и этим все кончится.

Действительно, так все и бывает. А потом в дело вступают специалисты со своим громоздким снаряжением.

Дверь бесшумно открылась, и Мегрэ даже подскочил.

Это была соседская девочка, она вошла, услышав голоса.

- Ты часто приходишь сюда?

- Нет, никогда.

- Где ты живешь?

- Напротив.

- Ты знала госпожу Антуан?

- Я видела ее иногда на лестнице.

- Она говорила с тобой?

- Она мне улыбалась.

- Она никогда не угощала тебя конфетами, шоколадом?

- Нет.

- Где твоя мама?

- На кухне.

- Проводи меня к ней.

Он извинился перед комиссаром Жентоном.

- Сообщите мне, когда приедут из прокуратуры. Дом был старый, стены и потолки кривые, паркет расшатанный.

- Мама, какой-то господин хочет поговорить с тобой. Из кухни вышла женщина, вытерла руки о фартук. У локтя осталось немного пены.

- Комиссар Мегрэ. Ваша дочка только что заходила в квартиру напротив.

Это вы нашли тело?

- Какое тело? Иди в свою комнату, Люсетт.

- Тело соседки.

- Она умерла? В ее возрасте нельзя жить одной. Должно быть, почувствовала себя плохо, и у нее не было сил позвать на помощь.

- Ее убили.

- Я ничего не слышала. На улице, правда, такой шум.
- Выстрела не было, да и случилось это не сегодня, а вчера во второй половине дня или вечером.
- Бедная женщина. Она, по-моему, была излишне горда, но в этом не было ничего плохого.
- Вы были в хороших отношениях?
- С тех пор, как я здесь живу, мы не обменялись и десятком фраз.
- Вы ничего не знаете о ее жизни?
- Иногда я видела ее утром, когда она выходила из дома. Зимой она носила черную шляпку, летом - белую и всегда перчатки, даже когда шла за покупками. Но это ее дело, правда?
- Кто-нибудь ее посещал?
- Мне об этом ничего не известно. Хотя нет, два или три раза я видела высокую женщину, которая звонила в ее дверь.
- Днем?
- Скорее, под вечер. После ужина.
- А в последнее время не видели ли вы, чтобы кто-нибудь здесь крутился?
- Здесь всегда кто-нибудь крутится. Люди мелькают, как на карусели. Консьержка сидит у себя, в глубине двора, и не заботится о жильцах. Она обернулась к дочери, которая потихоньку вошла.
- Что я тебе сказала? Быстро вернись в свою комнату!
- Я зайду к вам еще, я должен поговорить со всеми жильцами.
- Известно, кто это сделал?
- Нет.
- Как ее нашли?
- Соседка обратила внимание на приоткрытую дверь. Она была открыта и через час, поэтому женщина сначала позвонила, а потом вошла.
- Я знаю, кто это.
- Откуда вы знаете?
- Это самая пронырливая особа во всем доме. Увидите, что это мамаша Рошен.
- Послышались шаги и голоса на лестничной площадке. Мегрэ вышел, чтобы показать дорогу людям из прокуратуры, которые только что приехали.
- Сюда, - сказал он. - Здесь был доктор Форню, но он сегодня очень занят, и ему пришлось уехать.
- Заместитель прокурора, высокий молодой мужчина, очень элегантный и изысканный, разглядывал все вокруг с таким изумлением, как будто никогда не видел ничего подобного. Потом с минуту смотрел на серую скорчившуюся смятую фигурку на ковре.
- Известно, как она была убита?
- Ее задушили.
- Конечно, она не могла оказать большого сопротивления.
- Потом подошел судья Либо и также с интересом оглядывал комнату.
- Совсем как в старом фильме.

Жильцы уже собрались на лестнице и в коридоре. Люди из прокуратуры не задержались долго, и санитары из Института судебной медицины вынесли тело на носилках.

Лапуэнт видел хмурое, бледное лицо Мегрэ.

Три дня назад комиссар не знал умершей, никогда далее о ней не слышал. Но в своем неоправданном или оправданном беспокойстве она обратилась именно к нему. Старалась встретиться с ним лично, так как доверяла ему - он вспомнил ее полные восхищения глаза, когда она остановила его на улице.

Он принял ее за рехнувшуюся старуху. А все-таки в глубине души у него были какие-то неясные сомнения, и он обещал ей, что придет. И пришел бы, может быть, даже сегодня.

Слишком поздно. Ее убили, как она и опасалась.

- Нужно снять отпечатки пальцев со всех предметов, даже с тех, которые кажутся нетронутыми.

Мегрэ услышал голос в коридоре и открыл дверь. Там стояли человек двенадцать репортеров и фотографов, которых полицейский не пускал в квартиру. Кто-то подsunул ему микрофон.

- Какого рода преступление, комиссар?

- Ничего не знаю, господа, можно сказать, что следствие еще не начато.

- Кто это?

- Старая дама.

- Госпожа де Караме, консьержка нам сказала. Она сказала также, что в начале недели кто-то из уголовной полиции о ней расспрашивал. Зачем? Был ли повод думать, что ей грозит опасность?

- Сейчас я могу только сказать, что ничего еще не знаю.

- Она жила одна, правда? Никто ее не посещал?

- Насколько нам известно, нет. Но у нее есть племянница, фамилии которой я не знаю, но которая время от времени к ней заходила. Она массажистка, живет недалеко отсюда.

Магнитофонная лента записала это короткое высказывание. Оно окажется в вечерних газетах. Тогда племянница, очевидно, появится.

- Можно сфотографировать помещение?

- Пока нет. Там работают люди из следственной бригады. Сейчас прошу очистить лестницу.

- Ждем вас во дворе.

Мегрэ запер дверь и наконец осмотрелся в квартире. Прямо была расположена прихожая, где напали на госпожу Антуан, когда она вернулась с ежедневной прогулки в Тюильри.

Приходил ли кто-то в квартиру во время ее отсутствия, как она подозревала? Возможно. Но зачем? Видимо, что-то должно быть в ее квартире, иначе как объяснить эти упорные поиски?

Несомненно, она вернулась раньше, чем обычно, и захваченный врасплох незваный гость убил ее. Означало ли это, что она его знала? Он ведь мог убежать. Надо ли было ее убивать?

- Отпечатки пальцев?

- Пока только отпечатки старухи. Кроме этого, в гостиной на столе отпечатки пальцев врача. Они нам известны.

- В гостиной было два окна и, как во всех комнатах второго этажа, низкий потолок. Дверь вела в столовую, такую же старомодную, как остальная часть квартиры. В углу на столике стояло огромное зеленое растение в глиняном горшке, обернутом материей.

В столовой было только одно окно, а напротив него - дверь в кухню. В сухарнице лежала еще свежая булка. В холодильнике Мегрэ нашел много маленьких пакетиков, в одном был ломтик ветчины, в другом - полкотлеты.

Стояли также салат и полбутылки молока.

Оставалась еще одна комната, окно которой, как и кухни, выходило во двор, - спальня. Там стоял большой ореховый шкаф с зеркалом; кровать и вся остальная мебель также были из ореха. На полу лежал выцветший восточный ковер, в некоторых местах протертый до основы.

Везде царили порядок и безукоризненная чистота.

"Следует прийти сюда после обеда, чтобы подробно осмотреть все вещи одну за другой, а также содержимое шкафов и полок", - подумал Мегрэ.

- Мы кончили, шеф.

Группа фотографов собрала свое снаряжение. Все еще не было найдено других отпечатков пальцев, кроме старушкиных.

Мегрэ приказал сержанту не впускать никого, за исключением инспектора, которого он сам пришлет. Он спустился по темной, истоптанной лестнице с перилами, отполированными в течение двух или трех столетий.

Во дворе репортеры и фотокорреспонденты воевали с не слишком любезной консьержкой. Лапуэнт шел за комиссаром. Он тоже был удручен.

Торговец птицами, господин Колле, если судить по фамилии, выведенной на вывеске, стоял рядом со своими клетками, одетый в длинную блузу из серого полотна.

- Вы позволите позвонить?

- Прошу вас, комиссар.

Он улыбнулся, гордый тем, что узнал Мегрэ. Телефон находился в магазине, где одна на другой стояли клетки с птицами, а в аквариуме плавали красные рыбки. Их кормил старичок, тоже одетый в серую полотняную блузу.

- Алло!.. Люка? Пришли мне кого-нибудь на набережную Межесери. Дом 8 "б"... Жанвье? Очень хорошо... Пусть он войдет в квартиру и никого не пускает... Позвони моей жене, скажи, что я не приду обедать...

Он положил трубку и обратился к старому торговцу птицами:

- Вы давно живете в этом доме?

- Когда мой отец переехал сюда, мне было десять лет.

- Значит, вы знали госпожу Антуан с тех пор, как она тут поселилась?

- Это было свыше сорока лет назад. Был жив еще ее первый муж, господин де Караме. Он занимал ответственный пост в мэрии и, когда там организовывались какие-нибудь торжества, всегда приносил нам билеты.

- Со многими людьми они встречались в то время?

- Они дружили с двумя или тремя семьями и каждую неделю приходили к нам поиграть в карты.

- Какой была госпожа Антуан?

- Обаятельной. Красивой. Ну скажите, что это за судьба: казалось, что здоровье у нее не очень крепкое, что она не доживет до глубокой старости... была такой хрупкой. Зато он был солидным, полным мужчиной, я никогда не видел его больным. Он наслаждался жизнью. Но именно он внезапно умер на службе, а его жена еще вчера была жива.

- Она снова вышла замуж? Вскоре после его смерти?

- О нет! Она жила одна почти десять лет. Потом встретила, не знаю где, этого Антуана. Я ничего не имею против него. Уверен, что это был порядочный человек, хотя не такой изысканный, как ее первый муж. Он служил в "Базар Отель д'Вилль", кажется, заведующим секцией. Был вдовцом. Он устроил себе маленькую мастерскую и там мастерил что-то. Это было его страстью. Много он не говорил: "добрый день", "до свидания"...

Они редко куда-нибудь ходили. У него была машина, и в воскресенье он возил жену за город. Летом они выезжали куда-то в окрестности Этре.

- Кто-нибудь из жильцов знал их лучше, чем вы?

- Боюсь, что я остался последним, кто знал их. Остальные умерли один за другим, и в доме поселились новые люди.

- Ты забыл о господине Криспе, отец, - вставил стоящий на пороге молодой человек.

- Это правда, но я не вижу его, и мне трудно поверить, что он еще жив. Уже пять лет он не может передвигаться самостоятельно. Он занимает две комнаты на пятом этаже, консьержка приносит ему еду и убирает.

- Он дружил с супругами Антуан?

- Подождите, я постараюсь припомнить. Наступает такой возраст, когда все начинает мешаться в голове. Он поселился здесь, когда господин Караме был еще жив. Не думаю, чтобы они виделись в то время. Лишь значительно позднее, когда госпожа де Караме вышла замуж за господина Антуана, я стал встречать их вместе. Он работал, кажется, в галантерейном магазине, на улице Сенти.

- Благодарю вас, господин Колле. Пришел Жанвье.

- Ты обедал?

- Перекусил. А вы?

- Я пообедаю с Лапуэнт. Поднимись наверх и останься в квартире.

Ничего не двигай, ни одной мелочи. Потом я скажу почему. Да, только одного человека надо впустить, если придет: племянницу.

Через десять минут Мегрэ и Лапуэнт сидели за столом в пивной "Дофин".

- Аперитив? - предложил хозяин.

- Нет. Дайте нам сразу графин божоле. Что у вас сегодня?

- Сегодня привезли свежие колбаски из Оверни. На закуску Мегрэ заказал филе из сельди.

- Что ты об этом думаешь? - спросил он чуть приглушенным голосом.

Лапуэнт не знал, что ответить.

- Никогда бы не поверил, что она говорила правду. Мог бы поклясться, что она все это выдумала, как это часто случается со старыми людьми.

- Она мертва.

- И, если бы дверь не была приоткрыта, это обнаружили бы через много дней. Она знала убийцу, иначе не было нужды ее убивать.

- Я все думаю: что он искал?

- Когда мы это узнаем, если вообще узнаем, следствие будет закончено.

Сейчас нужно очень внимательно осмотреть квартиру. Там должно быть что-то, что убийца хотел присвоить. Найти это трудно, ведь он несколько раз обыскивал квартиру.

- А если он нашел, что искал?

- В таком случае у нас немного шансов поймать его. Нужно также допросить жильцов. Сколько этажей в доме?

- Шесть и мансарды.

Божоле было прекрасным, так же как и колбаски с жареным картофелем.

- Одною я не могу понять. Госпоже Антуан было восемьдесят шесть лет.

Двенадцать лет она вдова. Почему только сейчас начали шарить в ее квартире? Может быть, то, что искали, оказалось в ее руках недавно? В таком случае, она бы знала в чем дело. А ведь она тебе говорила, что не имеет понятия, чего от нее хотят.

- Она казалась такой же удивленной, как и мы.

- Оба ее мужа не были людьми таинственными. И тот, и другой - обычные люди. Мегрэ кивнул хозяину:

- Два кофе.

Небо все еще было голубым, воздух легким. По бульвару разгуливали туристы с фотоаппаратами.

Мужчины вернулись на набережную Межесери. Только один репортер ждал их, слоняясь по двору.

- Для меня, конечно, ничего нет? - пробормотал он с досадой.

- Как и раньше, ничего.

- Десять минут назад какая-то женщина поднялась наверх, но не захотела мне сказать, кто она.

Спустя две минуты Мегрэ и Лапуэнт здоровались с нею. Это была рослая женщина, полная, немного мужиковатая, выглядевшая лет на сорок пять - пятьдесят. Она сидела в кресле в гостиной. Жанвье, казалось, даже не пробовал ничего из нее вытянуть.

- Это вы комиссар Мегрэ?

- Да.

- Я Анжела Луге.

- Мадам?

- Нет, мадемуазель. Хотя у меня двадцатипятилетний сын. Я этого не стыжусь, наоборот.

- Госпожа Антуан была вашей тетей?

- Она сестра моей матери. Старшая сестра. А все-таки моя мать умерла раньше, больше десяти лет назад.

- Вы живете с сыном?

- Нет, я живу одна. У меня маленькая квартира на улице Сент-Андре-дез-Арт.

- А ваш сын?

- Сейчас он, кажется, на Лазурном берегу. Он музыкант.

- Когда вы видели тетю в последний раз?

- Примерно три недели назад.

- Вы часто к ней заходили?

- Раз в месяц или раз в два месяца.

- Вы с ней были в хороших отношениях?

- Мы не ссорились.

- Как это понимать?

- Между нами не было теплых отношений. Моя тетка была недоверчивым человеком. Она была уверена, что я прихожу к ней в надежде на наследство.

- У нее были деньги?

- Конечно, какие-то сбережения, но не очень большая сумма.

- Вы не знаете, у нее был счет в банке?

- Она никогда об этом не говорила. Просила только, чтобы ее похоронили рядом с первым мужем. Она купила участок на кладбище Монпарнас. Я думаю, она вышла замуж: во второй раз

для того, чтобы не оставаться одинокой. Она была еще молода. Не знаю, где она встретила дядю Антуана. Как-то она сказала мне, что хочет выйти замуж и просила, чтобы я была свидетельницей...

Мегрэ не пропускал ни слова из того, что она говорила, и дал знак Лапуэнту, который вынул из кармана блокнот, чтобы тот ничего не записывал. Женщина такого типа скорее всего замолчит, если разговор примет официальный характер.

- Скажите, мадемуазель Луге, у вашей тетки были причины опасаться за свою жизнь?

- Насколько я знаю, нет.

- Она никогда не говорила вам о таинственном посетителе?

- Никогда.

- Она посещала вас, звонила?

- Нет. Это я приходила время от времени, чтобы убедиться, что она здорова и у нее все есть. Меня беспокоило, что она живет одна. С ней что-нибудь могло случиться, и никто бы даже не заметил.

- Ей не приходило в голову нанять служанку?

- Я ей говорила, что не следует жить одной, но она не соглашалась даже на служанку, хотя могла себе это позволить, имея две ренты. Вы видите, в каком состоянии квартира. Нет даже пылинки.

- Вы, кажется, массажистка?

- Да. У меня хорошая клиентура. На жизнь я не жалуюсь.

- А что с отцом вашего сына?

- Он бросил меня, как только малыш родился. Меня это устраивало, так как я в нем ошиблась. Но это, как говорится, отбило у меня охоту выходить замуж. Я не знаю, что с ним, и если бы встретила его на улице, то, наверное, не узнала бы.

- Значит, ваш сын записан как ребенок от неизвестного отца и носит вашу фамилию?

- Да, его зовут Эмиль Луге. С тех пор, как он стал играть в кафе на гитаре, начал именовать себя Билли.

- У вас с ним хорошие отношения?

- Иногда он меня посещает, обычно когда у него нет денег. Живет по-цыгански, но парень хороший.

- Он тоже посещал вашу тетю?

- Приходил со мною, когда был ребенком. Кажется, с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать-шестнадцать, он ее не видел.

- Ведь он мог у нее попросить денег.

- Это не в его стиле. У меня - да, я его мать, но ни у кого другого.

Он слишком горд.

- Вы хорошо знаете квартиру тетки?

- Довольно хорошо.

- Где она любила сидеть?

- В том кресле около окна.

- Как она проводила дни, вечера?

- Сначала уборка, покупки. Потом приготовит еду. Она не довольствовалась проглоченным второпях куском холодного мяса. Хотя жила одна, ела всегда в комнате, за столом, покрытым скатертью.

- Она часто выходила из дома?
- Когда была хорошая погода, ходила в парк посидеть на скамейке.
- Читала?
- Нет. Она жаловалась на плохое зрение, чтение ее утомляло. Смотрела на прохожих, на детей, играющих в аллеях. Почти всегда немного грустно улыбалась. Наверное, вспоминала прошлое.
- А с вами она откровенничала?
- А что бы она могла мне рассказать? У нее была совершенно обычная жизнь.
- У нее не было подруг?
- Старые подруги поумирали, искать новых у нее не было охоты, и поэтому она даже сменила скамейку, как мне помнится.

- Давно?
- В прошлом году, под конец лета. Она всегда сидела на одной и той же скамейке в Тюильри. Однажды к ней подошла какая-то женщина примерно ее возраста и спросила, свободно ли место рядом. Ей пришлось ответить утвердительно. Ведь мест на скамейках не занимают заранее. Женщина стала рассказывать, что она русская, была знаменитой балериной... На следующий день тетка встретила ее на том же месте, и почти час иностранка рассказывала о своих давних успехах. Долгое время она жила в Ницце.

Говорила об этом без перерыва, жаловалась на парижский климат... Вот одно из немногих событий, о которых рассказывала мне тетка. "Я так любила свою скамейку! - вздыхала она. - Пришлось не только ее сменить, но и перебраться в другую часть парка, чтобы она меня не нашла".

- Та русская никогда здесь не была?
- Об этом я ничего не знаю. Судя по характеру тетки, она наверняка ее не приглашала.
- Словом, вы понятия не имеете, кто может быть убийцей?
- Нет, господин комиссар. Как быть с похоронами?
- Оставьте свой телефон, мы вам позвоним. Кстати, есть у вас относительно недавний снимок тетки?

- Последний сделан двенадцать лет назад, ее сфотографировал дядя Антуан. Лучше звонить вечером, днем я обычно у клиентов.

Когда она ушла, Лапуэнт обратился к Мегрэ:

- Что вы о ней думаете, шеф?
- Говорит охотно и категорично, - ответил он и попросил:
- Лапуэнт, поскольку ты уже немного знаешь дом, обойди все квартиры. Спроси жильцов, знали ли они старушку, в каких отношениях с ней были, видели ли людей, входивших в ее квартиру.

В гостиной был только один современный предмет - телевизор, стоящий против кресла, обтянутого тканью в цветочек.

Паркетный пол с покоробившимися от старости клепками был устлан не ковром, а дорожками, на одной из которых стояли три ножки стола.

- А теперь, - сказал Мегрэ, - надо все методично осмотреть, заметив положение каждой вещи. Она начала беспокоиться, когда заметила, что вещи передвинуты.

Круглый стол, покрытый вязаной скатертью, перенесли, сняли дорожку, убедились, что она ничего не прикрывала. Поставили на место стол.

Старательно расставили мелкие предметы, которые осмотрели перед этим: большую раковину с надписью "Дьепп", фаянсовую пастушку, статуэтку школьника в матроске с ранцем за спиной.

На полочке камина стояли фотографии - снимки двух мужчин, двух мужей, которые, возможно, перепутались в памяти старой дамы. Один из них, с полным, почти одутловатым лицом без всякой растительности, перед съемкой принял позу, полную достоинства. Скорее всего, это был начальник отдела в мэрии.

Второй, попроще, носил седеющие усы. Он представлял собою тот тип мужчины, который чаще всего встречается в метро или в автобусе. С одинаковым успехом он мог быть чиновником, бухгалтером, мастером или продавцом из универмага, каковым и был на самом деле. На фото он улыбался, и его улыбка была открытой. Видно было, что он доволен жизнью.

- Кстати, Жанвье, как сюда вошла племянница? У нее был ключ?

- Нет, она позвонила, и я открыл дверь.

- Шкаф заперт на ключ. Он должен быть где-то здесь. Сначала Мегрэ начал искать ключ в белой кожаной сумочке, которую старушка, вероятно, вынула из шкафа в первые весенние дни. В сумочке была прессованная рисовая пудра с голубоватым оттенком и вышитый платочек с меткой "Л" - Мегрэ и Лапуэнт вскоре узнали, что госпожу Антуан звали Леонтина.

Сигарет на было. Конечно, она не курила. Купленная на улице Риволи коробочка мятных лепешек - наверняка они лежали здесь давно, все склеились.

- Есть ключи.

Мегрэ был почти убежден, что найдет их в сумочке, которую она всегда носила с собой, - три ключа от шкафа, ключ от комнаты и ключ от входной двери.

- Отперев дверь, прежде чем толкнуть ее, она открыла сумочку и убрала ключи. Иначе они остались бы в замке или мы нашли бы их на полу. Она успела еще положить сумочку на кресло, и только тогда на нее напали.

Мегрэ говорил скорее себе, чем инспектору Жанвье. Он не мог избавиться от чувства вины. Но если бы он даже и пришел вчера, чтобы это изменило? Он не нашел бы достаточного повода, чтобы установить постоянное наблюдение за домом. А убийца, не зная о его визите, все равно проник бы в квартиру.

Мегрэ перебрал несколько ключей, вставляя их в замок шкафа, пока не нашел нужный.

Выдвижной ящик был полон бумаг и фотографий. Он заметил сберегательную книжку на имя Леонтины Антуан, набережная Межесери, с суммой вклада десять тысяч франков. Были только вклады и ни одной выплаты, а деньги начали вносить двадцать пять лет назад. И поэтому под фамилией Антуан была зачеркнута фамилия Караме.

Двадцать пять лет жизни, экономии. Утренние прогулки. Скамейки в парке после обеда, а когда шел дождь - может быть, кино?

В ящике лежала банковская книжка с вкладом в размере двадцати трех тысяч двухсот франков. За несколько дней до прошлогоднего Рождества снято со счета две тысячи пятисот франков.

- Эта сумма тебе ничего не говорит?

- Телевизор. Могу держать пари, что она купила его за те две с половиной тысячи. Сделала себе рождественский подарок.

Была еще одна выплата, двенадцать лет назад, скорее всего, на оплату расходов по похоронам второго мужа.

Открытки. Большинство подписано - Жан. Посланные из разных городов Франции, Бельгии, Швейцарии, скорее всего, с конгрессов. Текст всегда один и тот же, почерк круглый, красивый: "С нежностью - Жан".

Жан - это Караме. Антуан не разъезжал один, и не нашли ни одной открытки от него. Зато много фотографий, его самого или их вместе.

Фотоаппарат, достаточно сложной конструкции, лежал в том же ящике.

Было похоже, что супруги Антуан ездили в отпуск каждый раз в новые места. Они побывали в Кемпере, в Ла-Бо-ле, в Аркашоне и Биаррице.

Пересекли центральный массив и побывали на Лазурном берегу.

Фотографии за разные годы, их можно было уложить в хронологическом порядке.

Несколько писем, в основном от Анжелы Луге, племянницы-массажистки, посланные также из разных городов Франции. "Проводим здесь с Эмилем каникулы. Он уже большой мальчик и целыми днями валяется на дюнах..."

Единственный снимок этого Эмиля, который сейчас стал называть себя Билли, - пятнадцатилетний парень смотрит прямо перед собой, как бы бросая вызов всему миру.

- Ничего таинственного, ничего неожиданного, - вздохнул Мегрэ.

В ящике стола лежали карандаши, пенал, ластик и почтовая бумага без фамилии и инициалов. Старая госпожа Леон-тина наверняка нечасто писала письма. Да и кому ей было писать? Остались только племянница и ее сын, от которого, за исключением фотографии и упоминания в старом письме его матери, не было и следа.

Тщательно осмотрели кухню, и Мегрэ обнаружил неизвестные ему приспособления, которые, как ему показалось, не были куплены в магазине.

Были там, например, усовершенствованная модель ножа для консервов, простая и оригинальная машинка для чистки картофеля.

Они поняли, в чем дело, когда следующим ключом открыли на другом конце коридора комнату, а точнее чуланчик, с окошечком, выходящим во двор. Там находился столярный верстак, а по стенам в идеальном порядке были развешаны инструменты. В этой клетушке господин Антуан утолял свою жажду технического творчества. В углу, на столе, громоздились технические журналы, а на этажерке лежала тетрадь с эскизами, был там и рисунок машинки для чистки картофеля.

Сколько людей жили, как они, сколько было таких супружеских пар среди миллионов парижан. Упорядоченная, спокойная жизнь.

Неожиданной была только смерть маленькой сероглазой старушки.

- Остаются только спальня и стенные шкафы.

Ее гардероб состоял из зимнего пальто, плаща из шерсти, двух теплых платьев, одно из них было фиолетовым, и трех или четырех летних платьев.

Мужской одежды не было. После смерти второго мужа она, вероятно, избавилась от нее, а может, спрятала в мансарде или на чердаке. Нужно будет спросить об этом у консьержки.

Все было чисто и аккуратно сложено, полки выложены белой бумагой. Но на бумаге, выстилающей ящичек в ночном шкафчике, виднелось довольно большое пятно от жира или мази, хотя ящичек был пуст.

Мегрэ, заинтересованный, понюхал пятно и показал его Жанвье.

- Как ты думаешь, что это такое?

- Смазка.

- Да, но не какая-нибудь. Это оружейная смазка. Старушка держала здесь револьвер или пистолет.

- Куда же он делся?

- Пятно кажется свежим. Может быть, человек, который убил старуху...

Трудно поверить, что убийца, мужчина или женщина, думал о похищении оружия.

Это пятно, которое они нашли в последнюю минуту, ставило все под сомнение.

Купила ли старая дама револьвер, чтобы в случае нужды обороняться?

Это не правдоподобно. Мегрэ считал, что она скорее боялась огнестрельного оружия. Он не мог себе представить, чтобы она пришла к оружейнику, купила револьвер и опробовала его.

А собственно, почему нет? Разве не удивительна ее энергия? Она была хрупкой, ее кулачки были, как у ребенка, а ведь квартиру она содержала в порядке, как самая лучшая хозяйка.

- Скорее всего, револьвер принадлежал первому или второму мужу.

- Но где же оружие? Отдай бумагу в лабораторию, пусть сделают анализ этого жира. Хотя заранее знаю ответ.

Они услышали звонок, и Мегрэ безотчетно оглянулся, ища телефон.

- Это в дверь, - сказал Жанвье.

Вошел Лапуэнт, он выглядел измотанным.

- Был у жильцов? У всех?

- У тех, кто был дома. Мне едва позволяли задавать вопросы. Сами спрашивали. Как она умерла? Каким оружием пользовался убийца? Почему не было слышно выстрела?

- Рассказывай.

- В квартире наверху живет шестидесятилетний старый холостяк, кажется, известный историк. В книжном шкафу я видел написанные им книги.

Он редко выходит из дома. У него есть собака. Ежедневно приходит гувернантка убирать и готовить. Я говорю "гувернантка", так как он употребил это слово. Я ее видел. Он называет ее "мадемуазель Элиза".

Вполне достойная женщина. Квартира почти так же старомодна, как и эта, но обставлена с большим вкусом. Он сказал мне: "Если бы она хоть не покупала себе этого проклятого телевизора! Он работал у нее почти каждый вечер до одиннадцати! А я встаю в шесть утра..."

Еще сказал, что он никогда с ней не разговаривал, хотя живет здесь двадцать лет. Когда они встречались на лестнице, только здоровались.

Вспоминал ее мужа - тот был шумливым. Кажется, у него была мастерская со множеством инструментов, и по вечерам слышно было, как он вбивает гвозди, пилит, строгают...

- А квартира напротив?

- Никого не было. Я пошел кое-что узнать у консьержки. Там живут молодые супруги. Он - инженер по звукозаписи на какой-то киностудии, она - монтажер. Ужинают чаще всего в городе и возвращаются поздно. Встают тоже поздно, так как начинают работу после обеда.

- Третий этаж?

Лапуэнт заглянул в блокнот.

- Семья Лапэ. Я застал только бабушку с ребенком. Жена работает в галантерейном магазине на улице Риволи, муж - страховой агент. Много ездит.

- Следующая квартира?

- Минуточку! Я говорил со старухой, она мне сказала: "Нет, я с ней не встречалась. Для меня эта женщина была чересчур ловкой. Доказательством служат ее два мужа. Я тоже вдова. А разве вышла замуж во второй раз?"

Лапуэнт снова заглянул в блокнот.

- Отец Раймон. Не знаю, к какой категории его причислить. Он очень стар и почти не покидает своей квартиры. Он ничего не знал о существовании Леонтины Антуан, бывшей Леонтины Караме. Я пошел этажом выше. Квартира пуста, жильцы выезжают через две недели. Супруги лет сорока и двое детей, школьники. Сейчас там ремонт. Посетил старичка, у которого убирает консьержка. Он передвигается в кресле на колесиках с неслыханной ловкостью. Я думал, что встречу подавленного, разочарованного человека, а он острит. "Значит, ее убили? - выкрикнул он.

- Лет пятьдесят, если не больше, в этом доме не случилось ничего подобного! Наконец-то убийство. Известно ли, кто это сделал? Полагаю, что это не преступление в порыве страсти?"

Через минуту Лапуэнт добавил:

- Его это рассмешило. Он развеселился. Если бы мог сойти вниз, то обязательно попросил разрешения осмотреть место преступления. Напротив старика живет госпожа Бланш, ей лет шестьдесят, кассирша в винной лавке.

Ее я не видел, она возвращается домой только в полночь.

Весь этот мирок много лет жил вместе, в одном доме. Старую женщину со второго этажа убили, и никого это особенно не взволновало. Жильцы только здоровались на лестнице, они не разговаривали друг с другом. Каждый жил в собственной клетке, при закрытых дверях.

- Останься здесь до тех пор, пока я не пришлю тебе кого-нибудь на смену, - сказал Мегрэ, обращаясь к Жанвье. - Это может показаться смешным, но у меня такое впечатление, что этот кто-то, мужчина или женщина, кто так упорно обыскивал квартиру, может еще вернуться сюда.

- Пришлите Торранса, если он свободен. Он обожает телевизор.

Мегрэ сам взял листок бумаги, запятнанный маслом или смазкой.

В здании на набережной Орфевр он пошел сразу наверх, где Моэрс руководил работой лаборатории.

- Исследуйте это пятно.

Моэрс понюхал его, взглянул на Мегрэ, как бы желая сказать, что это просто, и вручил бумагу одному из специалистов.

- Я предполагаю: оружейная смазка.

- Мне необходимо официальное заключение; пока это наш единственный след. Старое пятно?

- Он нам скажет, но для этого нужно немного больше времени.

- Спасибо. Пришлите мне результаты. Он зашел в свой кабинет, затем в комнату инспекторов. Там были Торранс и Лапуэнт, который писал рапорт.

- Скажи, Торранс, ты не голоден? Толстый Торранс был поражен.

- В пять часов вечера?

- Потом у тебя скорее всего не будет времени на еду. Иди поешь или купи себе бутерброды. Пойдешь на набережную Межесери и заменишь Жанвье в квартире на втором этаже. Тебя сменят завтра утром. Ключи найдешь на круглом столе в гостиной. Имей в виду, что у убийцы тоже есть ключ, так что ему не придется выламывать дверь.

- Вы считаете, что он вернется?

- Это такое странное дело, что все возможно. Мегрэ позвонил доктору Форню.

- Вы уже произвели вскрытие?

- Только что хотел продиктовать рапорт. Знаете, несмотря на свою хрупкость, эта дама могла прожить до ста лет. Организм в хорошем состоянии, как у молодой девушки. Она была задушена, я сразу так подумал. Могу добавить, что это было сделано при помощи шарфа или куска материи, содержащей красные нитки, я нашел такую нитку в зубах. Она пробовала кусаться. Боролась, пока ей хватало воздуха.

- Благодарю вас, доктор. Жду вашего рапорта.

- Вы получите его завтра утром. С первой почтой.

Госпожа Антуан не пила, в квартире не было вина, вообще никакого алкоголя. Она ела много сыра. Эти подробности комиссар вспоминал, когда смотрел из окна на движение на мосту Сен-Мишель. Под мостом проплывали баржи, которые тянул буксир с нарисованным на трубе огромным цветком белого клевера.

Небо было розовым, с легкой голубизной, листья на деревьях свежие, ярко-зеленые, птицы щебетали не переставая.

В этот момент полицейский, который первым заметил старую даму, попросил комиссара принять его.

- Не знаю, интересуется ли вас это. Я видел фотографию в газете. Я знаю эту женщину. То есть я видел ее неделю назад. Она долго крутилась на улице около здания, поглядывая на окна. Я думал, что она обратится ко мне, но она ушла, ничего не сказав. На следующий день она вернулась и осмелилась войти во двор. Я ее не задерживал. Думал, такая нее туристка, как и все... Днем позже дежурил Латю. Он видел, как она вошла во двор и без колебаний направилась в сторону помещения уголовной полиции. Он не спросил, есть ли у нее вызов, она была такая решительная...

- Благодарю вас... Напишите рапорт. И Латю тоже.

Значит, она крутилась возле уголовной полиции, прежде чем решила просить приема у комиссара Мегрэ. Тот послал ее к Лапуэнту, которого она приняла за его сына. И все же она дождалась комиссара на улице.

Старый Жозеф постучал в дверь и, ясное дело, открыл ее прежде, чем получил ответ. Он подал бланк, на котором было написано: "Билли Луге".

А ведь двумя часами раньше массажистка сказала, что ее сын где-то на Лазурном берегу.

- Впусти его, Жозеф.

ГЛАВА III

- Я думаю, вы меня ищите?

- Еще нет. Ваша мать сказала, что вы на Лазурном берегу.

- Знаете, то, что говорит моя мамаша... Можно закурить?

- Если хотите.

Молодой человек, казалось, не принимал близко к сердцу, что он находится в уголовной полиции, и смотрел на Мегрэ как на обычного чиновника. Это не выглядело вызовом или демонстрацией. У него были длинные рыжие волосы, но он не был хиппи. Под замшевой курткой - клетчатая рубашка; брюки из бежевого вельвета, на ногах - мокасины.

- Когда я прочитал в газете о том, что случилось с бабкой, то сразу подумал, что вы захотите со мной увидеться.

- Я рад, что вы пришли.

Он совершенно не был похож на свою мать. Она - высокая и крупная, широкая в плечах, он - маленький, скорее худощавый, с васильковыми глазами.

Мегрэ сел за стол и показал ему на кресло напротив.

- Благодарю. Что же, собственно, произошло со старой? В газетах немного пишут.

- Пишут о том, что известно: она была убита.

- Что-нибудь украдено?

- Похоже, что нет.

- Правда, она никогда не держала дома большой суммы денег.

- Откуда вы это знаете?

- Я заходил к ней иногда.

- Когда оставались без гроша?

- Конечно. О чем мне было с ней говорить? Мои дела ее не интересовали.

- Она давала вам денег?
- Обычно стофранковый банкнот, но я не мог приходить слишком часто.
- Мне говорили, что вы музыкант.
- Я гитарист, это правда. Играю в маленьком ансамбле, который называется "Никпони".
- Этим можно заработать на жизнь?
- Когда как. Иногда нас нанимает какой-нибудь приличный кабаk, иногда играем в кафе. Что вам порассказала моя мамаша?

- Ничего особенного.
- Видите ли, нельзя сказать, чтобы ее распирало от материнской любви.

Прежде всего, у нас совершенно разные характеры. Мать думает только о деньгах, о старости, как она говорит, и копит деньги. Если бы это было возможно, она бы не ела, чтобы скопить побольше.

- Она любила тетку?
- Она ее не выносила. Я слышал, как она вздыхала: "Неужели эта старуха никогда не сдохнет?"
- Почему она так хотела ее смерти?
- Ясное дело, чтобы получить наследство. От ренты после обоих мужей у старухи должна остаться изрядная сумма. В общем-то, я ее любил. Думаю, она меня тоже любила. Всегда хотела приготовить мне кофе и угощала пирожными. "Ты, наверное, ешь не каждый день? Почему ты не выберешь какую-нибудь хорошую профессию?" Мать тоже хотела, чтобы я выучился ремеслу. Сделала за меня выбор, когда мне еще не было пятнадцати... Она хотела, чтобы я стал ортопедом: "Их так мало, что иногда нужно ждать приема целый месяц. Эта профессия доходная и не неприятная."

- Когда вы в последний раз видели бабку?
- Недели три назад. Мы автостопом поехали в Лондон.

Думали, кто-нибудь предложит нам работу, но у них достаточно своих ансамблей, и получше. Мы вернулись без гроша в кармане, и я пошел к старой.

- Она дала вам сто франков?
- Да. И пирожное.
- Где вы живете?
- Я часто меняю адрес. Иногда живу с какой-нибудь девушкой, иногда один. Как теперь. У меня меблированная комната в гостинице на улице Муфтар.

- И вы работаете?
- Немного. Вы знаете "Бонго"?

Мегрэ покачал головой. Молодой человек казался удивленным тем, что кто-то может не знать "Бонго".

- Это маленькое бистро на площади Мобер. Хозяин родом из Оверни, он быстро сориентировался в том, что происходит в квартале. Приглашает к себе хиппи и иногда ставит им бесплатную выпивку. Нанимает музыкантов за ужин и пару франков. Так, как нас. Есть девушка, которая отлично поет.

Это привлекает посетителей. Они приходят увидеть вблизи знаменитых хиппи и не верят, когда мы говорим, что не употребляем гашиш и марихуану.

- Вы хотите стать музыкантом?

- Надеюсь. Меня только это интересует. Я даже пробую сочинять музыку, но еще не нашел собственного стиля. Во всяком случае, могу вам сказать, что я не убивал старуху. Во-первых, убивать людей не в моих правилах.

Во-вторых, я знаю, что сразу бы попал под подозрение.

- У вас есть ключ от квартиры?

- А что бы я с ним делал?

- Где вы были вчера в шесть часов вечера?

- В постели.

- Один?

- Да, наконец один. Почти всю ночь мы провели в "Бонго". Я подцепил там девицу, которая выглядела симпатично. Из Скандинавии, датчанка или шведка. На рассвете забрал ее к себе и смог заснуть только часа в три дня. Позлее я услышал, как она встала и шумит. Я окончательно проснулся, когда девушка уже ушла. Был усталый и измученный, голова трещала с похмелья, встал после девяти вечера.

- Словом, вас никто не видел между пятью и девятью?

- Точно.

- Вы могли бы найти ту девушку?

- Если сегодня вечером ее не будет в "Бонго", значит, она будет в каком-нибудь другом кафе в этом квартале.

- Вы ее знали раньше?

- Нет.

- Знаете, как ее зовут?

- Я знаю только ее имя: Хильда. Знаю также, что ее отец какой-то крупный чиновник.

- Сколько ей лет?

- Она сказала, что двадцать два. Не помню уже, с кем ей надо было встретиться. Если бы не эта встреча, она осталась бы со мной на пару недель. Почти всегда так и бывает. Расстаемся, обычно не зная, почему.

- Расскажите мне о своих отношениях с матерью.

- Я уже говорил вам, что у нас с нею нет общего языка.

- Но она вас воспитывала?

- Ее это не интересовало, поэтому у нее всегда были претензии к старухе. Она думала, что старая будет меня опекать. Она работала, и каждое утро отводила меня в садик, а вечером забирала. Потом также было в школе. Ей не нравилось, что у нее ребенок, это ей мешало, когда она принимала мужчин.

- Их было много?

- Как когда. Шесть месяцев мы жили с типом, которого я должен был называть папой, и он все время сидел дома.

- Он не работал?

- Кажется, он был коммивояжером, но много не ездил. Иногда я слышал по ночам шум, а утром не находил никого. Почти всегда мужчины были моложе ее, особенно в последнее время. Две недели назад я встретил ее на бульваре Сен-Жермен с типом, которого часто видел в кабаках. Его зовут Длинный Марсель.

- Вы его знаете?

- Лично нет, но у него репутация альфонса. Вы знаете, мать охотно заглядывает в бутылку.

Он был одновременно циничен и наивен.

- Я не думаю, что мать убила старуху. Она такова, какая есть. Я тоже таков, какой есть, и не могу измениться. Может быть, стану когда-нибудь звездой, а может, неудачником, каких много в Сен-Жермен. У вас есть еще вопросы?

- Наверняка, но сейчас мне ничего не приходит в голову. Вы довольны своей жизнью?

- Вообще да.

- Вам бы не хотелось стать ортопедом, как советовала мать? Вы бы наверняка были женаты, имели детей.

- Меня это не привлекает. Может быть, позднее.

- Какое впечатление произвела на вас смерть бабки?

- Укол в сердце. Я не слишком хорошо ее знал. Для меня она была очень старой женщиной, которой давно уже пора лежать в могиле. "Но я ее любил.

Особенно ее глаза, ее улыбку. "Ешь", - говорила она и с умилением смотрела, как я ем пирожное. Если не считать моей матери, я был ее семьей. "Ты действительно не хочешь постричь волосы?" Это ее больше всего огорчало. "Ты с ними выглядишь не тем, кем являешься на самом деле. Ты ведь хороший парень..." Когда будут похороны?

- Еще не знаю. Оставьте мне свой адрес. Я вам сообщу. Наверное, через два дня. Отчасти это будет зависеть от следователя.

- Вы думаете, она мучилась?

- Она едва могла защищаться. У вас есть шерстяной шарф, красный или с красным узором?

- Я никогда не ношу шарфа. Почему вы спрашиваете?

- Неважно. Ищу. На ощупь.

- Вы никого не подозреваете?

- Конкретных подозрений у меня нет.

- Может быть, это был какой-нибудь ненормальный?

- Почему же он выбрал госпожу Антуан и почему напал на нее в доме, полном людей? Убийца что-то искал.

- Деньги?

- Не уверен. Если он ее знал, то был осведомлен, что дома она держала очень маленькую сумму. Кроме того, он много раз бывал в квартире в ее отсутствие. Вы не знаете, были ли у нее какие-нибудь ценные вещи?

- У нее были драгоценности, но не очень большой стоимости. Скромные вещи, которые дарили ей мужа.

Мегрэ нашел их. Колечко с гранатом и такие же сережки, а также золотой браслет и маленькие золотые часы.

В той же коробочке она хранила булавку с жемчужиной для галстука, которая принадлежала скорее всего господину Караме, а также серебряные запонки для манжет. Все это было немодным и практически не имело никакой рыночной стоимости.

- У нее были какие-нибудь документы?

- Что вы называете документами? Это была обычная старая женщина, которая жила спокойно, сначала с одним мужем, а потом с другим. Я не знал господина Караме, он умер незадолго до моего рождения, но я знал второго, Жозефа Антуана, который был порядочным человеком...

Мегрэ со вздохом поднялся.

- Вы часто бываете у матери?

- Почти никогда.
- Вы не знаете, она сейчас одна или мосье Марсель, о котором вы упоминали, живет у нее?
- Нет, не знаю.
- Спасибо, что вы пришли, господин Луге. Может быть, я приду вас послушать как-нибудь вечером.

- Лучше всего в одиннадцать.
- В это время я обычно уже в постели.
- Я все еще под подозрением?
- До тех пор, пока мы не найдем виновного, под подозрением все, но вы не более, чем остальные.

Мегрэ закрыл за молодым человеком дверь и оперся на подоконник.

Вечерело. Контуров домов сглаживались. Он узнал о многих вещах, которые, однако, ничего не прояснили.

Что можно было искать у старой женщины на набережной Межесери?

Она больше сорока лет жила в этой квартире. Ее первый муж не представлял собой ничего таинственного, потом, в течение почти десяти лет, она была вдовой.

Второй муж также не возбуждал подозрений. Он умер много лет назад, и она стала вести тихую, монотонную жизнь, не видя никого, кроме племянницы и ее сына.

Почему раньше не обыскивали ее квартиру? Может быть, то, что искали, оказалось там сравнительно недавно?

Он пожал плечами, выругался с досады и заглянул в комнату инспекторов.

- До завтра, дети.

Возвращаясь домой в автобусе, он подумал, что у него и вправду странная профессия. Он смотрел на своих соседей, думая про себя, что в любой момент может случиться так, что ему придется заинтересоваться жизнью одного из них.

Длинноволосый рыжий парень показался ему симпатичным.

Госпожа Мегрэ, как обычно, открыла дверь, как только он поднялся на площадку.

- Ты чем-то озабочен?
- Есть чем. Веду дело, в котором ничего не ясно. Конечно, она читала газеты и слушала радио.
- Ты видел ее живой?
- Да.
- И что о ней подумал?
- Сказал себе, что это свихнувшаяся старушка. Маленькая, щуплая особа, которая умоляла, чтобы я ею занялся, как будто бы я был единственным существом на свете, способным ей помочь.

- Ты что-нибудь сделал?

- Я не мог требовать, чтобы инспектор охранял ее день и ночь. Она жаловалась только на то, что, вернувшись домой, не находит вещей на их обычном месте. Признаюсь, мне казалось, что она или выдумывает, или теряет память. Несмотря на это, пообещал себе, что зайду к ней, хотя бы для того, чтобы ее успокоить. Вчера она, вероятно, вернулась раньше, чем обычно, и ее "гость" был еще в квартире. Хватило шарфа или куска материи, чтобы ее удушить...

- У нее есть семья?

- Только племянница и ее сын. Я встречался с ними. Племянница крупная и сильная, как мужчина. Она массажистка. Зато молодой человек маленький, худой, с рыжими волосами, играет на гитаре в каком-то кабаке на площади Мобер.

- Ничего не украдено?

- Невозможно установить. Единственная улика, если можно говорить об улике, то, что в ящике ночного шкафчика когда-то лежал револьвер, а теперь его там Тег.

- Из-за револьвера не убивают старую женщину, да и не обыскивают много раз квартиру, чтобы его украсть.

- Садимся за стол.

Они ужинали вдвоем, при открытом окне, не включая телевизор. Было тепло. Неподвижный воздух пропитывался приятной прохладой, едва слышался шелест листвы на деревьях.

- Так как ты не пришел обедать, я подогрела тебе отварную баранину.

- Хорошо сделала.

Ел он с аппетитом, но мысли были далеко. Видел старую даму в сером платье, стоящую на тротуаре набережной Орфевр, ее глаза, излучающие восхищение и доверие.

- Может быть, тебе стоит заняться чем-нибудь другим?

- Я бы очень хотел. Но не могу. Терпеть не могу разочаровывать людей, а в этом случае бедная старушка лишилась жизни.

- Может быть, прогуляемся?

Он согласился. Ему не хотелось сидеть дома целый вечер.

Они дошли до площади Бастилии, там сели на террасе кафе.

Длинноволосый гитарист играл, лавируя между столиками, а темноглазая девушка протягивала посетителям кафе тарелочку.

Конечно, он сразу подумал о рыжем парне, которому в минуты нужды тоже приходилось играть в кафе.

Мегрэ был сегодня щедрее, чем обычно, и жена это заметила. Она слегка усмехнулась, ничего не говоря, и долго сидела, вглядываясь в ночные огни.

Мегрэ медленно курил трубку, легко затягиваясь. Ему хотелось пойти в "Бонго". Но зачем? Что еще он узнал бы там?

Жильцы дома на набережной Межесери тоже были под подозрением. Кто-то из них мог знать старую женщину лучше, чем в этом признался. Было нетрудно сделать слепок с замка и изготовить ключ.

Зачем? Этот вопрос неустанно задавал себе Мегрэ. Зачем? Ведь не ради денег, не ради нескольких сотен франков, лежащих на самом виду в ящике комода.

- Завтра потребую следствия по делу обоих мужей.

Это могло показаться нелепым. Тем более что умерли они много лет назад.

В чем-то заключалась тайна, тайна настолько важная, что стоила человеческой жизни!

- Идем?

Он выпил маленький стаканчик кальвадоса и чуть не заказал второй. Это не понравилось бы его другу Пардону, который предостерегал: "Можно годами пить вино или другие алкогольные напитки, но наступает возраст, когда организм этого уже не терпит"

Мегрэ пожал плечами, встал и начал протискиваться между столиками. На улице госпожа Мегрэ взяла его под руку. Бульвар Бомарше. Улица Серван.

Потом бульвар Ришар-Ленуар и старый, знакомый дом.

Вопреки опасениям он заснул почти сразу же.

В течение ночи ничего не случилось на набережной Меже-сери, и толстый Горранс мог спокойно спать в кресле старой дамы. В восемь утра Лурти пошел его сменить и застал репортера, оживленно беседующего с консьержкой.

В десять часов сонный и неразговорчивый Мегрэ открыл дверь в комнату инспекторов и дал знак Жанвье и Лапуэнту, чтобы они следовали за ним.

- Пожалуй, иди и ты, Люка.

Уселся за стол и долго выбирал трубку, как будто это было очень важным делом.

- Вот так-то, дети. Со вчерашнего утра мы не продвинулись ни на шаг.

Так как мы не можем ничего найти в современности, будем рыться в прошлом. Ты, Люка, пойдешь в "Базар Отель д'Вилль", в отдел сельскохозяйственных орудий. Там еще должны быть продавцы, которые начинали работать во времена папаши Антуана. Спрашивай у них, о чем хочешь. Мне бы хотелось узнать как можно больше об этом человеке, о его душевном складе, образе жизни и так далее.

- Хорошо, шеф. Только не лучше ли будет попросить у дирекции разрешения на такие беседы? Отказать они не осмелятся, а служащие почувствуют себя свободнее, чем если я буду их расспрашивать украдкой.

- Ладно. Ты, Жанвье, пойдешь в мэрию и сделаешь то же самое в отношении Караме. Там будет труднее, он умер еще раньше. Если те, кто его знал, находятся на пенсии, возьми адреса и сходи к ним. Это, конечно, рутинно, но случается, что и она приносит плоды. А ты, Лапуэнт, пойдешь со мной.

Во дворе молодой инспектор спросил:

- Берем машину?

- Нет. Мы только перейдем мост Сент-Андре-дез-Арт. Машиной было бы дольше.

Дом был старый, как и все остальные дома в этом районе. Направо от ворот находилась багетная мастерская, налево - кондитерская.

Застекленная дверь квартиры консьержки выходила в коридор, который вел во двор.

Мегрэ вошел к консьержке и представился. Это была маленькая, пухлая женщина с красным лицом. В детстве, вероятно, у нее были ямочки на щеках, они появлялись и сейчас, когда она улыбалась.

- Я ждала, что придет кто-то из полиции.

- Почему?

- Когда я прочитала, что случилось с той бедной старушкой, то поняла, что одна из жилищек - ее племянница.

- Вы говорите об Анжеле Луге?

- Да.

- Она говорила вам о своей тетке?

- Она неразговорчивая, но иногда задерживается, чтобы обменяться со мной парой слов. Раз мы беседовали о неаккуратных плательщиках. Она говорила, что такие есть даже среди ее клиентов, но она не осмеливается настаивать, потому что это люди с именем. "К счастью, я когда-нибудь получу наследство после своей тети", - так она выразилась. Рассказала мне, что у тетки было два мужа, что она имеет две ренты и наверняка скопила много денег - У нее часто бывают гости? Консьержка казалась сконфуженной.

- Что вы имеете в виду?

- Посещают ли ее приятельницы?

- Приятельницы - нет.

- Клиенты?

- Она не работает дома. Ходит к клиентам сама.

- Принимает мужчин?

- Да, это бывает. А почему, собственно, я не могу об этом говорить?

Один даже остался у нее на полгода. Был моложе ее на десять лет, сам ходил за покупками и занимался домашними делами.

- Она сейчас дома?

- Вышла час назад, она рано начинает работать. Но кто-то наверху есть.

- Один из ее постоянных гостей?

- Не знаю. Вчера она вернулась довольно поздно. Когда я открывала дверь, то слышала шаги двух людей. Но не видела, чтобы кто-нибудь выходил.

- Так часто бывает?

- Не часто, но иногда...

- А ее сын?

- Почти никогда не приходит. Я не видела его несколько месяцев. Он выглядит, как хиппи, но это хороший парень.

- Благодарю вас. Пойдем взглянуть наверх.

Лифта не было. Окна квартиры выходили во двор. Дверь не была заперта на ключ, и Мегрэ вошел, а Лапуэнт за ним. Они оказались в квартире, обставленной достаточно современно, в том стиле, который рекламируют журналы.

Не слыша никаких голосов, Мегрэ открыл дверь в комнату и на двуспальной кровати увидел мужчину, который только что открыл глаза и смотрел на него с удивлением.

- В чем дело? Чего вы от меня хотите?

- Я хотел увидеться с Анжелой Луте, но поскольку тут вы...

- Кто вы такой, чтобы...

- Комиссар Мегрэ. Мы уже встречались, правда давно. Вы были тогда барменом и вас звали Длинный Марсель.

- Меня и сейчас так называют. Если позволите, я надену брюки, а то я совершенно голый.

- Не стесняйтесь.

Он был худой и костлявый. Торопливо надевал брюки, ища глазами стоявшие под кроватью домашние туфли.

- Вы знаете, у нас с Анжелой не совсем такие отношения, как вы думаете. Мы друзья. Вчера вместе провели вечер, и я почувствовал себя не слишком хорошо. И вместо того, чтобы ехать через весь Париж: к себе, на бульвар Батиньоль...

- Конечно. И совершенно случайно здесь оказались ваши домашние туфли.

Мегрэ открыл шкаф. Там висели два мужских костюма, рядом лежали рубашки, носки и кальсоны.

- Ладно. Теперь рассказывайте.

- Можно я приготовлю кофе?

Мегрэ пошел за ним на кухню. Марсель готовил здесь кофе так, как будто делал это каждый день.

- Мне нечего рассказывать. Я никогда не был сутенером, хотя мне это ставили в вину. В конце концов меня вынуждены были отпустить.

- Сколько вам лет?

- Тридцать пять.
- А ей?
- Точно не знаю. Около пятидесяти. Может быть, пятьдесят.
- Словом, большая любовь?
- Мы хорошие приятели. Она не может без меня обойтись. Если я не прихожу неделю, она ищет меня повсюду, где я бываю.
- Где вы были позавчера вечером?
- Позавчера? Минуточку! Недалеко отсюда. Я договорился с Анжелой встретиться в семь.
- Она мне об этом не говорила.
- Не подумала. Мы должны были вместе поужинать. Я выпил аперитив в кафе в Сен-Жермен.
- Она пришла в семь?
- Может, чуть позже. Да, она даже очень задержалась. Ей пришлось ждать клиентку. Пришла чуть позже половины восьмого.
- Вы поужинали вместе, как намеревались?
- Да. Потом пошли в кино. Вы можете проверить. На улице Турнель. Меня там знают.
- Какова ваша нынешняя специальность?
- По правде говоря, ищу работу, но сейчас трудно что-то найти.
- Она вас содержит?
- Вы специально употребляете обидные слова? Только потому, что сколько-то лет назад полиция несправедливо обвиняла меня? Да, иногда она одалживает мне немного денег. Она сама зарабатывает неважно.
- Вы хотели провести в постели все утро?
- Она должна прийти через несколько минут. У нее сейчас перерыв между двумя визитами. Она была у вас вчера и рассказала все, что знала. Зачем вы пришли сюда?
- Ну, видите, благодаря этому я смог с вами встретиться!
- Вы не могли бы выйти в другую комнату? Я хочу принять душ.
- Разрешаю вам даже побриться, - с иронией ответил Мегрэ.
- Лапуэнт не мог прийти в себя от открытия, которое они сделали.
- Его задержали, три или четыре года назад за сводничество.
- Подозревали также, что он доверенное лицо шайки корсиканцев, которые действовали в Париже несколько лет назад. Но он вывернулся, как вьюн, и ничего нельзя было доказать.
- На лестнице слышались шаги. Дверь открылась. Племянница госпожи Антуан застыла на пороге.
- Входите! Я решил нанести вам визит. Она быстро посмотрела на дверь в спальню.
- Да, он там. В настоящий момент принимает душ, потом будет бриться.
- Она закрыла дверь, пожав плечами.
- В конце концов это никого не касается, кроме меня, правда?
- Может быть.
- Почему вы говорите "может быть"?
- Так получается потому, что это один из моих старых знакомых, и он некогда занимался вещами, которые закон преследует.
- Вы хотите сказать, что он - вор?

- Нет, насколько мне известно. Но когда он был барменом, две или три девушки в районе работали на него вместе с платной партнершей для танцев из того же бара.

- Не верю. Если бы это было правдой, вы бы его посадили.

- Действительно, его не посадили из-за отсутствия доказательств.

- Все это еще не объясняет, зачем вы пришли.

- Прежде всего, я хочу задать вам один вопрос. Вчера вы мне говорили о своем сыне и сказали, что он на Лазурном берегу...

- Я вам сказала, что так думаю...

- На самом деле он не выезжал из Парижа, и у нас состоялась очень интересная беседа.

- Я знаю: он меня не любит.

- Так же как и вы не любили свою тетку, правда?

- Не знаю, что он вам наговорил. Это сумасброд. Он никогда ничего не добьется.

- В тот день, когда была убита ваша тетка, вы договорились встретиться с Марселем в кафе Сен-Жермен в семь часов.

- Если он вам так сказал, значит, это правда.

- Во сколько вы пришли?

Она несколько опешила и колебалась, прежде чем ответить.

- Мне пришлось ждать клиентку. Я пришла где-то в полвосьмого.

- Где вы ужинали?

- В итальянском ресторане "Лючио", на улице Турнель.

- А потом?

- Пошли в кино на Сен-Мишель.

- Вы знаете, в какое время была убита ваша тетка?

- Нет. Я знаю только то, что вы мне рассказали.

- Между половиной шестого и семью.

- Что из этого?

- У вас есть револьвер?

- Откуда? Я не знаю, как им пользоваться.

Свежевыбритый Марсель вошел в комнату. На нем была белая рубашка, и он как раз завязывал голубой шелковый галстук.

- Ну, видишь, - сказал он шутливым тоном, - меня разбудили эти господа. Я вдруг увидел их у кровати. Подумал даже, что я в кино. - У вас есть револьвер? - спросил Мегрэ.

- Я не такой глупый! Это лучший способ попасть за решетку.

- Какой номер вашего дома на бульваре Батиньоль?

- Двадцать семь.

- Благодарю вас обоих за помощь. Что касается тетки, вы можете получить тело в Институте судебной медицины и похоронить тогда, когда вам удобно.

- Мне придется платить из своего кармана?

- Это ваше дело. Поскольку вы ближайшая родственница, то унаследуете сумму, от которой после оплаты похорон наверняка кое-что останется.

- Благодарю вас.

- Не за что. Прошу мне сообщить, когда будут похороны.

Редко ему случалось видеть более суровые глаза, чем те, что смотрели на него. Марсель же сохранил безучастное выражение.

- Желаю успеха, господин Мегрэ, - проронил он с иронией.

Мегрэ и Лапуэнт вышли, на углу комиссар вошел в бар.

- Из-за этих двоих мне захотелось пить. Пожалуйста, пива. Что тебе?

- То же самое.

- Два пива.

Мегрэ вытер платком лоб.

- Вот так мы и проводим время, а старая сероглазая дама умерла внезапной и трагической смертью. Ходим к людям и задаем им более или менее идиотские вопросы. Те двое, должно быть, сейчас издеваются над нами.

Лапуэнт не смел ничего сказать. Он не любил видеть своего шефа в таком настроении.

- Заметь, что это случается почти в каждом следствии. Бывают такие минуты, когда машина работает вхолостую, и неизвестно, в какую сторону идти. Потом что-нибудь случается, часто какая-нибудь мелочь, которой сначала не придавали значения...

- Ваше здоровье, шеф.

- Твое!

В этот утренний час на улице было оживленно, хозяйки бегали от магазинчика к магазинчику. Поблизости находился рынок, который Мегрэ особенно любил.

- Пошли.

- Куда пойдем?

- Возвращаемся. Посмотрим, может быть, Люка и Жанвье повезло больше.

Жанвье уже ждал, Люка еще не было.

- Было легко, шеф. Преемник Караме еще работает там и помнит его очень хорошо.

- Рассказывай.

- Ничего особенного я не узнал, кроме того, что за глаза его называли "его высочество Караме". Он прекрасно одевался и придавал большое значение, костюму. Гордился своей должностью и ожидал, что получит орден Почетного легиона, как ему обещали. Пользовался каждым случаем, чтобы надеть темный костюм - он хорошо в нем выглядел. Его брат был полковником.

- Он еще жив?

- Погиб в Индокитае. Он охотно о нем рассказывал. Говорил: "Мой брат полковник..."

- Это все?

- Все, что я смог узнать. Никто ничего не знает о каких-нибудь его пороках. Он огорчался, что не может иметь детей. Старый рассыльный рассказал мне одну историю, не гарантирую, правда, ее достоверности...

После трех или четырех лет супружества Караме послал жену к гинекологу, потом этот врач захотел увидеть мужа. Иначе говоря: не она не могла иметь детей, а он. С того времени он больше не говорил о потомстве.

Мегрэ, все еще мрачный, ходил по комнате, изредка останавливаясь у окна, как бы желая взять пейзаж в свидетели дурной шутки, которую ему приготовили.

Кто-то постучал в дверь. Это был Люка, он бежал по лестнице и запыхался.

- Передохни.

- Я нашел человека, который был подчиненным Антуана. Ему сейчас шестьдесят лет, и он заведует отделом.

- Что он рассказывает?

- Кажется, Антуан был своего рода маньяком. В хорошем значении этого слова. У него был свой конек. Когда его спрашивали о профессии, он отвечал: "Изобретатель". Он на самом деле получил патент на усовершенствованный ключ для консервов, который продал фабрике, производящей хозтовары. У него есть и другие изобретения...

- Приспособление для чистки картофеля.

- Откуда вы знаете?

- Видел на набережной Межесери.

- Он постоянно с чем-нибудь возился. Кажется, у него была мастерская, где он проводил все свободное время.

- Ее я тоже видел. Он ничего серьезного не изобрел?

- Человек, с которым я беседовал, ничего об этом не знает, но, кажется, Антуан иногда говорил, хитро покачивая головой: "Когда-нибудь я сделаю настоящее открытие, и все будут обо мне говорить".

- Подробностей никаких?

- Нет. Если не считать этой мании, он был человеком скорее неразговорчивым, но добросовестно исполнявшим свои обязанности. Не пил.

Вечерами не выходил из дома. Казался довольным женою. Говорю: довольным, а не влюбленным, учитывая их возраст. Они хорошо понимали и уважали друг друга. Мой собеседник был два раза на ужине у них дома и заметил, что они приятно устроились. "Прелестная женщина! - сказал он мне. - И какая благовоспитанная! Правда, немного мешало то, что из ее рассказов нельзя было понять, идет ли речь о первом или о втором муже. Могло показаться, что она их путает".

- Это все?

- Все, шеф.

- Одно бесспорно: в ночном шкафчике был револьвер, и этот револьвер исчез. Мне хочется заглянуть на бульвар Батиньоль. Идешь со мной, Лапуэнт? Возьми машину. Только с исправным мотором.

Перед выходом он выбрал новую трубку.

ГЛАВА IV

Над входом в маленький отель висела мраморная табличка:

"Меблированные комнаты. Сдаются на дни, недели, месяцы. Все удобства".

Большинство жильцов снимали комнаты на длительный срок, внося плату ежемесячно, удобства же заключались в том, что в каждой комнате был умывальник и одна ванная приходилась на два этажа.

- Длинный Марсель у себя?

- Господин Марсель? Только что пришел. Его машина стоит перед домом.

Это был спортивный автомобиль ярко-красного цвета, довольно старая модель. Двое мальчишек рассматривали его с завистью, споря о скорости, которую он может развить.

- Он давно тут живет?

- Больше года. Это спокойный жилец.

- Он редко спит у себя, если не ошибаюсь.

- Возвращается большей частью под утро, так как работает ночью. Он бармен в кабаре.

- Приводит девушек?

- Редко. Меня это не касается.

Хозяин был толстый, с тремя небритыми подбородками, на ногах - старые стоптанные шлепанцы.

- Какой этаж?

- Третий, комната двадцать три. Надеюсь, вы не доставите нам хлопот.

Я не люблю, когда полиция приходит в дом.

- У вас, вероятно, все в порядке?

- Имея с вами дело, этого никогда не знаешь.

Мегрэ поднялся наверх, за ним - Лапуэнт. Возле лестницы была надпись:

"Просьба вытирать обувь". И дописано от руки: "готовить в комнатах запрещается".

Мегрэ это было знакомо. Запрещение не мешало жильцам держать у себя спиртовые горелки, на которых они подогревали готовые блюда, купленные в ближайшем гастрономе.

Мегрэ постучал в комнату 23, услышал шаги, и дверь резко отворилась.

- Ну, пожалуйста! - изумился Марсель. - Вы уже здесь?

- Вы ожидали нашего прихода?

- Когда полиция сунет куда-то свой нос, можно быть совершенно уверенным, что ее еще увидишь.

- Готовитесь к переезду?

Один чемодан лежал на постели, второй - на полу. Экс-бармен бросал в них одежду и белье.

- Да. Собираю манатки. С меня достаточно.

- Чего?

- Этой бабы, которая должна быть жандармом.

- Вы поссорились?

- Немного. Она обругала меня за то, что я был в постели, когда вы пришли. Я не массажист и не должен ходить по домам и щупать людей.

- Это не объясняет, почему вы меняете отель.

- Я не меняю отель. Собираю манатки и еду в Тулон. Там у меня настоящие друзья, которые быстро найдут мне работу.

В одном чемодане Мегрэ заметил костюм, который он до этого видел в шкафу на улице Сент-Андре-дез-Арт. Вторым костюмом был на Марселе. Его фамилия была Монтрон, но его никто так не называл, для консьержек он тоже был мосье Марсель.

- Этот красный автомобиль перед входом принадлежит вам?

- Он недорого стоит. Ему почти десять лет, но он еще неплохо тянет.

- Вы, конечно, поедете на машине?

- Да. Если вы мне не мешаете.

- Зачем мне вам мешать?

- Кто вас знает, зачем.

- Один вопрос: вы были когда-нибудь в квартире на набережной Межесери?

- А зачем мне туда ходить? Выразить старушке свое почтение? "Добрый день, уважаемая госпожа. Я любовник вашей племянницы. Поскольку я оказался в трудном положении, она меня содержит, так как не может обойтись без мужчины. Она странная девка, и не следует "ей ничего обещать".

Он продолжал собирать свои вещи, проверяя, не осталось ли чего в шкафу. С одной из полок достал фотоаппарат. У него был также проигрыватель.

- Готово. Теперь я подожду, когда вы уйдете, и уезжаю.

- Где вас можно найти в Тулоне?

- Достаточно написать мне на адрес бара "Адмирал", набережная Сталинграда. На имя Боба, бармена, это мой старый приятель. Вы думаете, что я буду еще нужен вам?

- Никогда наперед не знаешь.

Прежде чем Марсель запер чемоданы, Мегрэ заглянул в них, но не нашел ничего компрометирующего.

- Сколько вы из нее вытянули?

- Из жандарма? Пятьсот франков. И то в обмен на обещание, что скоро вернусь. Никогда не знаешь, чего она хочет. Иногда выгоняет за дверь, а через две минуты начинает ласкаться и говорить, что жить без меня не может.

- Желаю доброго пути, - вздохнул Мегрэ, направляясь к двери.

Проходя мимо конторки, он сказал хозяину:

- Мне кажется, вы теряете жильца.

- Он предупредил меня. Едет на юг на две недели.

- Комната остается за ним?

- Нет, но мы найдем ему другую.

Мегрэ и Лапуэнт вернулись к себе. Комиссар позвонил в Тулон.

- Мне нужен комиссар Марелла. Это Мегрэ из уголовной полиции.

Он сразу узнал голос приятеля. Они начинали службу почти одновременно, и сейчас Марелла руководил уголовной полицией в Тулоне.

- Как дела?

- Не жалуюсь.

- Знаешь бар "Адмирал"?

- Еще бы! Там все жулье собирается.

- А некоего Боба!

- Это бармен. Он у них почтовый ящик.

- Сегодня вечером или завтра там появится некий Марсель Монтрон.

Скорее всего, пойдет прямо в "Адмирал". Мне бы хотелось, чтобы ты присмотрел за ним.

- В чем ты его подозреваешь?

- Во всем и ни в чем. Он более или менее замешан в деле, которое меня мучает.

- Старушка с набережной Межесери?

- Да.

- Странное дело, не так ли? Я знаю только то, что сообщили газеты и радио, но для меня это выглядит довольно таинственно. Ты нашел парня с гитарой?

- Да. Но похоже, что он не замешан в этом деле. И нет никаких видимых причин, по которым ему надо было убрать старую даму...

- Буду держать с тобой связь. Этот Марсель, о котором ты говоришь, не тот ли Длинный Марсель?

- Да.

- Он подрабатывает немного, надувая баб, нет? Он часто приезжал на побережье и каждый раз находил себе какую-нибудь дамочку.

- Спасибо тебе. До скорого. Почти тут же зазвонил телефон.

- Комиссар Мегрэ?

- Да.

- Это Анжела Луте. Прежде всего хочу вам сказать, что вышвырнула этого бродягу за дверь.

- Я знаю.

- Поверьте, это не в моих правилах, и я больше не дам себя обмануть.

- В чем он провинился?

- В том, что живет за счет женщин и что полдня лежит в постели, которая ему даже не принадлежит. Он не хотел уходить. Пришлось дать ему денег, чтобы ушел.

- Знаю.

- Он этим хвастался?

- Конечно. Он, кстати, называл вас жандармом.

- Я также хотела вам сообщить, что похороны состоятся завтра в десять утра. Тело привезут сегодня на набережную Межесери.

- Будет ли панихида?

- Да, в Нотр-Дам де Блан Манто. Вы еще ничего не нашли?

- Нет.

- У вас есть адрес моего сына?

- Он мне его дал.

- Мне хотелось бы его предупредить. Может быть, несмотря на все, он захочет участвовать в похоронах своей двоюродной бабки.

- Он живет в гостинице на улице Муфтар.

- Благодарю вас.

Мегрэ знал нетерпеливость судебных следователей, поэтому вскоре прошел через внутреннюю дверь в ту часть здания, где помещался суд.

В коридоре, по обеим сторонам которого находились кабинеты судебных чиновников, почти все скамейки были заняты посетителями, свидетелями и обвиняемыми. Некоторые сидели в наручниках и под надзором полицейских.

Судья Либо был один с секретарем.

- Ну, господин комиссар? Как идет следствие? Он говорил довольным голосом, потирая руки.

- Я хотел дать вам поработать спокойно. Вы уже пришли к какому-нибудь результату?

- Ни к какому.

- Нет подозреваемых?

- По-настоящему - нет. И ни одного следа, кроме того, что старуха застала убийцу, когда он что-то искал.

- Деньги?

- Не думаю.

- Драгоценности?

- За то, что она имела, он много бы не получил.

- Маньяк?

- Не думаю. Зачем маньяку выбирать именно ее квартиру? И зачем ходить туда несколько раз, после чего совершить преступление?

- Какая-нибудь семейная история? Наследник, которому очень не терпелось?

- Возможно, но не очень правдоподобно. Единственная наследница - ее племянница. Она массажистка и неплохо зарабатывает.

- Вы выглядите усталым. Мегрэ с трудом улыбнулся.

- Прошу извинить. Это полоса неудач. Похороны состоятся завтра.

- Вы пойдете?

- Да. Это мое старое правило. Так не один раз я выходил на след.

На обед он вернулся домой; госпожа Мегрэ, видя его хмурое лицо, не задавала вопросов. Ходила почти на цыпочках и готовила жаркое со щавелем, одно из любимых блюд Мегрэ.

Когда он опять оказался на набережной Орфевр, Лапуэнт постучал в дверь кабинета.

- Извините, шеф. Что мне делать?

- Ничего. Что хочешь. Если у тебя есть какая-нибудь мысль...

- Мне хочется сходить еще раз к торговцу птицами. Он видит людей, входящих и выходящих из дома. Мой вопрос может ему о чем-нибудь напомнить.

- Как хочешь.

Мегрэ не выносил состояния, в котором он был сейчас: полное отсутствие энергии и воображения. Одни и те же мысли назойливо возвращались, но никуда не вели.

Прежде всего, старуха не была сумасшедшей.

Почему она кружила по набережной Орфевр, прежде чем решилась обратиться в полицию? Может быть, подозревала кого-нибудь?

Она понимала, что никто не поверит в историю о том, как предметы меняют свои места.

А все-таки это была правда. На самом деле ее квартира многократно обыскивалась.

Искали... что?

Не деньги, как он сказал судебному следователю. И не драгоценности.

Это было что-то важное, если таинственный гость, застигнутый на месте преступления, убил старую даму.

Нашел ли он в конце концов то, что искал? Выходил ли со своей добычей в тот момент, когда она неожиданно вернулась?

Что такого ценного могла иметь скромно живущая вдова, ради чего стоило лишать ее жизни?

Мегрэ чертил какие-то каракули на листке бумаги и внезапно заметил, что его рисунок напоминает старую даму.

Около пяти он уже не мог больше выдержать в бюро и пошел на набережную Межесери. С собою он взял найденную в картотеке фотографию Длинного Марсея. Снимок был неудачным, черты лица недостаточно четки, но его можно было узнать.

Мегрэ начал с консьержки.

- Вы когда-нибудь видели этого человека? Ей пришлось взять очки, лежавшие на буфете.

- Не знаю, что вам сказать. Кажется, я откуда-то знаю это лицо. Но люди так похожи один на другого.

- Приглядитесь получше. Вы могли его видеть недавно.

- Этот костюм в клетку заставляет меня задуматься. Я видела такой же неделю или две назад, но не могу вам сказать, где.

- Здесь, в вашей квартире?

- Пожалуй, нет.

- Во дворе? На лестнице?

- Право, не знаю. Ваш инспектор снова приходил задавать вопросы. Ведь ничего не выдумаешь. Вы знаете, что ее привезли?

- Госпожу Антуан?

- Да. Ее племянница наверху. Оставила дверь открытой и залегла свечи с обеих сторон кровати. Некоторые жильцы входят и произносят молитвы.

Если бы кто-то мог меня заменить, я бы завтра пошла на похороны, но я одна. Мой муж уже три года в психиатрической больнице.

Мегрэ оказался на тротуаре, перед клетками с птицами. Колле-младший узнал его сразу.

- На тебе! Только что здесь был инспектор, тот, молодой.

- Я знаю. Вы не могли бы внимательно посмотреть на эту фотографию?

Он рассматривал фото, приблизив к глазам, затем с некоторого расстояния; потряс головой.

- Не могу сказать, что узнаю его. Однако он мне напоминает кого-то.

- Костюм?

- Пожалуй, нет. Выражение лица. У него такое выражение, как будто он постоянно насмехается над людьми.

- Это не один из ваших клиентов?

- Наверняка нет.

- Может быть, вы спросите у отца?

- Хорошо. Но он очень плохо видит. Колле-младший вернулся.

- Он не узнает его. Вы должны знать, что почти все время он проводит в магазине и интересуется исключительно птицами и рыбами. Он их так любит, что еще немного - и перестанет их продавать.

Мегрэ снова поднялся на второй этаж. Женщина, живущая напротив старушки, как раз выходила за покупками и шепнула, показывая на приоткрытую дверь:

- Она там.

- Знаю.

- Завтра похороны. Кажется, у ее первого мужа было место на кладбище Монпарнас, и она просила, чтобы ее похоронили рядом с ним.

- Кому она это говорила?

- Скорее всего, своей племяннице. И консьержке. Она говорила, что Иври слишком далеко и она будет чувствовать себя среди тысячи могил потерянной.

- Я бы хотел вам кое-что показать. Можно на минутку войти?

Квартира была убрана, в ней было темнее, чем в квартире старой дамы, так как дерево заслоняло окно.

- Вы встречали когда-нибудь этого человека? Мегрэ показал снимок.

- Видеть-то я его видела. Недавно. Он курил сигарету. Я подумала даже, чего тут не хватает... да, сигареты.

- Подумайте. Пожалуйста, не торопитесь.

- Не в магазине... Не во дворе... Было видно, что она напрягает память.

- Я полагаю, что это важно?

- Да.

- В связи с госпожой Антуан?
- Вероятно.
- То, что я скажу, может ему повредить, правда?
- Вполне возможно.
- Вы понимаете, я не смею ничего утверждать категорически. Я бы не хотела доставлять хлопоты невиновному.
- Если он не виноват, мы будем об этом знать.
- Не всегда. Случаются судебные ошибки. Тяжело! Но если это очень нужно... Я выходила...
- Когда?
- Не помню. На прошлой неделе. Я собиралась за дочкой в школу - Значит, было около четырех.
- Именно это я стараюсь припомнить. Скорее, около четырех, у меня была хозяйственная сумка, в это время я иду за покупками к ужину. Муж не приходит обедать домой, и вместе с дочерью мы едим что-нибудь легкое. Я спускалась по лестнице, и кто-то столкнулся со мной. Он скачками взбегал по лестнице. Чуть не сбил меня с ног. Поэтому я его и запомнила.
- Не знаете, на каком этаже он задержался?
- Нет. Я спешила. Дочка не любит ждать меня перед школой, а при таком движении я не хочу, чтобы она одна возвращалась домой.
- Мегрэ вздохнул с облегчением. Наконец какая-то надежда!
- Пять минут спустя он вошел в комнату умершей и посмотрел на тонкие черты старой женщины, которую принял за сумасшедшую.
- Шторы были задернуты, в комнате царил мрак, дрожало только одно солнечное пятно. Две горящие свечи по обеим сторонам кровати придавали всему необычный вид.
- Анжела Луге неподвижно сидела в кресле, и Мегрэ подумал даже, что она спит, но, когда взглянул на нее во второй раз, заметил, что она вонзила в него свои темные глаза.
- Мегрэ поклонился умершей и с чувством облегчения перешел в гостиную, на яркий дневной свет. Анжела пошла за ним, как он и надеялся. Ее лицо было более суровым, чем обычно.
- Зачем вы сюда пришли?
- Отдать последний долг вашей тетке.
- Признайтесь, что это вас меньше всего заботит. Как и жильцов.
- Только двое заглянули сюда. Вы видели этого прохвоста Марсея?
- Он поехал на машине в Тулон.
- Мегрэ заметил, что это сообщение заставило ее разволноваться.
- Слава богу! С трудом удалось от него избавиться. Я была вынуждена дать ему пятьсот франков, только бы он ушел!
- Вы можете обвинить его в вымогательстве.
- Возможно, я это и сделаю... Во всяком случае, если он попытается вернуться.
- Вы знаете, что он здесь был на прошлой неделе? Она вздрогнула, сдвинула брови.
- Вам известно, когда именно?
- Нет.
- Во сколько?
- Около четырех.
- Он вам об этом сказал?

- Нет.

- Вы его об этом спрашивали?

- Сегодня утром я еще ничего не знал. Откуда у него адрес вашей тетки?

- Как-то, месяц назад, мы вместе шли через Новый мост. Непроизвольно я показала на окна квартиры: "У меня есть Старая тетка, которая там живет".

- Думаю, вы добавили, что когда-нибудь унаследуете от нее большие деньги.

- Узнаю его вранье. Я сказала только, что у нее было два мужа и она живет обеспеченно.

- Если он не изменил своих планов, в этот момент едет на юг.

- Он постоянно мне рассказывал о Тулоне и о своих тамошних приятелях.

- Вы не знаете, из какой он семьи?

- Нет.

- Он никогда не рассказывал вам о своей молодости?

- Нет. Я знаю только, что его мать живет в каком-то городке в Центральной Франции.

- Вы уверены, что вас не было здесь в течение последних восьми дней или, скажем, двух недель?

- Вы снова начинаете?

- Прошу подумать, прежде чем ответить.

- Я уверена.

- Вы знаете, что находится в ящичке ночного шкафчика?

- Я его не открывала.

- Даже сегодня утром, убирая комнату умершей?

- Даже сегодня.

- Вы знаете, что у тетки было оружие?

- Это невозможно! Она не смогла бы даже удержать револьвер в руке.

- Она не боялась жить одна?

- Она ничего и никого не боялась.

- Ей случалось беседовать с вами об изобретениях своего второго мужа?

- Она показала мне как-то приспособление для чистки картофеля.

Обещала дать мне, но так и не дала. Это было еще при жизни дяди Антуана.

Показала также его мастерскую, если так можно назвать каморку, в которой едва можно повернуться.

- Благодарю вас.

- Вы придете на похороны?

- Скорее всего.

- Вынос тела состоится без четверти десять. В десять мы должны быть в церкви.

- До завтра.

Были минуты, когда ее почти мужская сухость не была антипатична и даже могла сойти за прямодушие. Она не была красивой. Никогда не была красивой. С годами отяжелела. Почему она не должна была требовать тех же самых прав, что и мужчины, которые в ее возрасте и положении позволяли себе похождения?

Она не скрывала этого. Принимала у себя любовников на одну ночь или на неделю. Консьержка видела, как они приходили и уходили. Другие жильцы тоже, пожалуй, знали, в чем дело.

На набережной Орфевр он застал Лапуэнта, который еще раз обошел жильцов дома, показывая фотографию Марсея.

- Результат?

- Никакого.

Мегрэ вернулся домой пешком, неприятные мысли крутились у него в голове... Чтобы встретить молодого Луге в "Бонго", надо было ждать до десяти вечера.

На углу бульвара Вольтера Мегрэ поймал такси, и, когда назвал адрес, водитель поглядел на него с любопытством, удивляясь, что жителю этого района захотелось погулять в таком месте.

По-видимому, хозяин поскупился на расходы по оформлению помещения.

Стены, выкрашенные белой краской, были покрыты множеством цветных, ничего не значащих линий. Это составляло единственную оригинальную черту ресторана. Бар был классическим, с цинковой стойкой, хозяин, в рубашке и голубом фартуке, сам обслуживал гостей. Дверь вела в задымленную кухню, откуда доносился запах подгоревшего жира.

Пары сидели за столиками; ели в основном спагетти. Мегрэ заметил несколько молодых людей в джинсах и узорчатых рубашках. Остальные - это те, кто пришел на них посмотреть. Посмотреть, а прежде всего послушать: трое музыкантов производили шум, как целый оркестр. Билли играл на гитаре. Двое других - на ударных и контрабасе. Все трое с длинными волосами. Одеты в черные бархатные брюки и розовые рубашки.

- Вы будете ужинать?

Хозяину приходилось почти кричать, чтобы его услышали.

Мегрэ покачал головой и заказал белое вино Билли заметил его и не выразил ни малейшего удивления. Комиссар совершенно не разбирался в поп-музыке, но то, что он слышал, не казалось ему хуже того, что иногда передавали по радио или телевизору. Трое ребят играли с запалом, почти впадая в экстаз. Им горячо аплодировали.

Наступил перерыв, Билли подошел к сидящему у стойки Мегрэ.

- Кажется, вы пришли, чтобы со мною увидеться.

- Конечно. Мать вам что-нибудь говорила?

- Сегодня нет.

- В таком случае вы не знаете, что похороны завтра утром? Встреча на набережной Межесери в девять сорок пять. Месса состоится в Нотр-Дам де Блан Манто. Похороны на кладбище Монпарнас.

- Мне казалось, что дядя Антуан похоронен в Иври.

- Верно, но вдова хотела быть похороненной рядом с первым мужем.

- Через несколько минут мы опять начнем играть. Вам нравится?

- К сожалению, я совершенно в этом не разбираюсь. Я хотел бы задать вам один вопрос. Вы знали, что у бабки был револьвер?

- Да.

Наконец кто-то ответил обычно и спокойно на волновавший его вопрос.

- Она вам об этом сказала?

- Уже давно, год или два назад. Я тогда был без гроша. Пошел что-нибудь вытянуть у нее и заметил, что в ящике комода лежат несколько стофранковых банкнотов. Для некоторых несколько сот франков ничего не значат. Но для других, я сам к ним принадлежу, это состояние. Я спросил ее совершенно откровенно, не боится ли она. "Кого? Тебя? Нет" - "Но ты живешь одна. Люди об этом знают. Преступник мог бы..." Он подал знак своим товарищам, что сейчас к ним

присоединится. Она ответила, что против преступников она вооружена, и открыла ящик ночного шкафчика. "И не думай, что я буду колебаться, применять ли оружие"

Значит, там было не только жирное пятно. Кто-то видел оружие.

- Это был револьвер или пистолет?

- Какая между ними разница?

- У револьвера есть барабан. Пистолет плоский.

- Насколько помню, это был револьвер.

- Какого калибра?

- Не знаю. Я только взглянул. Примерно величиною с ладонь.

- Кому вы об этом говорили?

- Никому.

- Вы ничего не сказали матери?

- Мы не так дружны, чтобы я что-то ей рассказывал.

Парень вернулся к своим друзьям, и они снова начали играть. Можно было ощутить, что его захватывает создаваемый им ритм, подчеркнутый вдобавок ударником.

- Это хороший парень, - сказал хозяин, наклоняясь над стойкой бара. - Все трое - отличные ребята, и ни один не употребляет наркотиков. Не могу этого сказать обо всех клиентах.

Мегрэ заплатил за вино и вышел на улицу. С трудом нашел такси и поехал домой.

Следующим утром он сразу поднялся на этаж, занятый судебными следователями, и зашел к Либо.

- Я хочу получить разрешение на обыск. На имя Анжелы Луте.

Незамужняя, по профессии массажистка, живет на улице Сент-Андре-дез-Арт.

Секретарь записывал.

- Это значит, что вы приближаетесь к концу?

- Не имею понятия. Признаюсь, что действую слегка вслепую.

- Это племянница старой дамы?

- Точно.

- И одновременно ее наследница? В таком случае это кажется странным.

Мегрэ ожидал такой реакции; каждому это пришло бы в голову: Анжела Луте была уверена, что рано или поздно получит наследство, и скорее рано, принимая во внимание возраст тетки. Зачем ей подвергать себя риску провести остатки дней своих в тюрьме только из-за того, чтобы присвоить деньги, которые и так ей достанутся?

- А впрочем, делайте, как считаете нужным. Желаю успеха.

Без четверти десять Мегрэ оказался на набережной Меже-сери в сопровождении Лапуэнта, управляющего маленьким черным автомобилем. Крепа на двери не было, не было людей, ни одного зеваки.

Кортеж остановился у тротуара, и два силача пошли за гробом. Не было ни цветов, ни венков. В нескольких окнах зашевелились занавески.

Консьержка вышла на порог проститься с покойной.

Старый торговец птицами покинул на минуту мрак своего магазина и немного постоял со своим сыном на улице.

Это было все.

Анжела Луге одна села в черный автомобиль присланный похоронным бюро.

В церкви никого не было, кроме двух женщин, ожидающих исповеди. Могло показаться, что всем не терпится закончить - и юре, и людям из похоронного бюро.

Мегрэ встал в глубине церкви, и Лапуэнт присоединился к нему, как только удалось припарковать машину.

- Далее не грустно, - заметил молодой инспектор.

Это было правдой. Солнце заливало верх церкви. Двери не были закрыты, и в здание проникал уличный шум.

Подняли гроб, который, вероятно, весил немного. Четвертью часа позднее вошли на кладбище Монпарнас и в одной из аллей остановились у плиты из розового мрамора.

- Я вам говорила, что никого не будет, - шепнула массажистка, когда гроб опускали в могилу. И добавила:

- Не было времени, чтобы высечь ее имя рядом с именем первого мужа. Каменщики сделают это на будущей неделе.

Она была одета скромно, в черное, что придавало ей еще более строгий вид - гувернантки или директора школы.

- А теперь, - шепнул Мегрэ, - поедem к вам.

- Мы?

- Да, мы.

- Чего еще вы от меня хотите?

Кладбище не производило гнетущего впечатления, наоборот - оно было наполнено пением птиц и залито солнцем.

- Минуточку. Я хочу дать на чай. Машину не задерживать?

- У нас есть для вас место.

Они встретились у ворот, Ангела села сзади, а Мегрэ - на своем обычном месте, рядом с Лапуэнтом.

- Улица Сент-Андре-дез-Арт. Племянница старой дамы сказала с горечью:

- Я ожидала, что люди будут сплетничать. Всегда найдутся такие, что оболгут человека за спиной, а если нет повода, то что-нибудь придумают.

Но чтобы уголовная полиция, чтобы комиссар Мегрэ собственной персоной преследовал меня...

- Мне очень жаль, но я только выполняю свои обязанности.

- Зачем же мне ходить тайком к моей тетке?

- А зачем это делать кому-то иному?

- Вы считаете меня способной убить старую женщину?

- Я ничего не считаю. Я ищу. Лапуэнт, поднимись наверх, как только поставишь машину.

В квартире она сняла шляпу и перчатки, потом жакет, под ним была белая блузка. В первый раз Мегрэ заметил, что, хотя у нее была чуточку мужская фигура, она была достаточно стройна и для своего возраста прекрасно сохранилась.

- Скажите мне наконец, чего вы хотите? Мегрэ вынул из кармана ордер.

- Прочтите его.

- Это значит, что вы будете всюду рыться, все перевернете?

- Пожалуйста, не беспокойтесь. У нас есть опыт. Я как раз жду двух специалистов, которые положат все вещи точно на место.

- Не могу надивиться...

- Кстати, вашего сына не было на похоронах.

- Признаюсь, что после всего, что произошло вчера, я забыла его предупредить. У меня даже нет его точного адреса. Я знаю о нем только то, что вы рассказали.

- Вы его не предупредили, но я это сделал и поэтому удивляюсь, что он не пришел. Он кажется порядочным парнем.

- Да, но делает только то, что ему нравится.

- И не хочет стать ортопедом.

- Он вам говорил об этом?

- Он гораздо откровеннее, чем вы, и ему не нужно задавать по десять раз один и то же вопрос...

- Если бы у него была такая жизнь, как у меня! Делайте что хотите, но мне хочется выпить.

Она пила не вино, а виски, которое извлекла из бара, заполненного богатым ассортиментом бутылок.

- Выпьете? Белого вина? Красного?

- Сейчас нет, спасибо.

Полицейские из следственной бригады пришли раньше Лапуэнта, который бог знает где искал стоянку.

- Ну так, дети мои. Прочешите все тщательно. Вы знаете, что именно мы ищем, но присутствие какого-либо иного предмета тоже может нас заинтересовать. Потом положите все вещи точно на место.

Она закурила сигарету и уселась в кресло у окна, откуда были видны крыши и кусочек Эйфелевой башни.

- Останешься здесь с ними, - сказал Мегрэ Лапуэнту, который наконец пришел. - Мне надо сходить купить кое-что.

Мегрэ пошел на улицу Муфтар. По дороге зашел выпить стаканчик белого вина в бистро, заполненное постоянными клиентами; на стойке лежали крутые яйца.

ГЛАВА V

Помещение отеля было высокое, узкое, наполненное острым, въедливым запахом. Мегрэ поднялся на пятый этаж и постучал в дверь.

- Войдите! - крикнул заспанный голос.

Ставни были закрыты, и в комнате царил полумрак.

- Я догадался, что это вы.

Рыжеволосый парень встал с постели, он был гол и обернул вокруг бедер полотенце. Черноволосая девушка лежала, отвернувшись к стене.

- Который час?

- Похороны закончились уже давно.

- Вас удивляет, что я не пришел? Подождите, я прополощу рот. У меня голова трещит с похмелья. Он наполнил стакан водой из крана.

- Жалко, что вчера вечером вы не остались подольше. Была фантастическая программа. Пришли три молодых англичанина, каждый с гитарой, мы импровизировали почти два часа. С ними была прекрасная девушка. Вы ее видите сейчас. Сегодня утром у меня не было сил встать и идти на похороны. Может быть, это не очень хорошо с моей стороны, но мне не хочется встречать мать. Она нашла деньги?

- Какие деньги?

- Сбережения бабки. Та должна была накопить немалую сумму, она почти ничего не тратила. У матери наконец будет свой домик.

Он открыл ставни, и солнечный свет проник в комнату.

- Ваша мать хочет купить дом?

- Домик в деревне, чтобы ездить на субботы и воскресенья, а потом переселиться туда насовсем. Она много лет мечтает об этом. Пробовала одолжить на это деньги у старухи, но не удалось. Извините, что ничем не могу вас угостить.

- Я уже ухожу.

- Вы еще не нашли револьвер?

- Нет. Марсель уехал.

- Да что вы! Мать, должно быть, в бешенстве! Ей придется найти себе кого-нибудь. Она и трех дней не может выдержать без мужика.

Он был циничен, но не нагл. В нем чувствовалась какая-то мягкость, быть может, это была тоска по семейной жизни, которой он не знал.

- Не выезжайте из Парижа, не предупредив меня. До окончания следствия еще далеко, а вы можете понадобиться.

Мегрэ возвратился на улицу Сент-Андре-дез-Арт. Люди из следственной бригады ждали его.

- Мы закончили, шеф. Практически нет ничего достойного внимания.

Одежда почти вся темная. У нее, наверное, заскок на почве обуви: мы нашли восемь пар.

Анжела Луге сидела в кресле, внешне безразличная.

- Холодильник заполнен продуктами. Хотя она живет одна, готовит себе обеды. Фотографии, в основном ее и ребенка, того периода, когда она была много моложе. Тетрадь, в которую она записывает полученные суммы рядом с именами клиентов.

- Ты забыл о самом важном, - вставил его напарник. Первый пожал плечами.

- Если это может что-либо значить! На шкафу пыль, а на этой пыли пятно от смазки или масла, которые применяются при чистке оружия.

Анжела заговорила:

- В этом доме никогда не было оружия.

- А все-таки следы свежие. В корзине я нашел запачканную жиром бумагу, в которую был завернут револьвер.

Мегрэ встал на стул, чтобы увидеть пятно собственными глазами.

- В три часа прошу явиться на набережную Орфевр.

- А мои клиенты? Вы думаете, что мне нечего делать?

- Я дам вам официальный вызов.

Мегрэ вынул из кармана желтый бланк и заполнил его.

- Значит, в три.

Обедать Мегрэ вернулся домой. Как и вчера, жена не задавала ему никаких вопросов, спросила только о похоронах:

- Кто-нибудь пришел?

- Только племянница и я с Лапуэнтотом. Месса прошла торопливо.

Когда Мегрэ вернулся на набережную Орфевр, Жанвье сказал ему.

- Комиссар Марелла из Тулона просил позвонить. Через две минуты они уже беседовали:

- Марелла?

- Да, я позвонил на всякий случай. Твой Марсель приехал в Тулон вчера поздно вечером и сразу пошел в бар "Адмирал". Меня узнал и поздоровался.

У стойки тихо беседовал с Бобом; я ничего не мог услышать, так как тот включил музыкальный автомат на полную мощность.

- Никого с ними не было?

- Нет. Потом Боб зашел в телефонную будку и куда-то звонил. Когда он вернулся, вид у него был довольный, он сделал жест, который говорил:

"Все в порядке!"

- Это все?

- Нет. Твой Марсель снял комнату в отеле "Пять континентов" на аллее Республики. Встал в девять утра и на машине поехал в Санари. Тебе это ни о чем не говорит?

- Нет.

- Там живет Пепито, старший из двух братьев Джиованни.

Братья Джиованни в течение долгого времени считались шефами преступников с побережья. Младший, Марко, обосновался в Марселе, Пепито - в Санари, где купил шикарную виллу. Обоих братьев задерживали раз десять, и всегда их приходилось отпускать из-за отсутствия доказательств. Сейчас они постарели и вели спокойную жизнь богатых пенсионеров.

- Длинный Марсель был на вилле?

- Почти час. Потом вернулся в бар "Адмирал".

- У него были раньше контакты с братьями Джиованни?

- Об этом я ничего не знаю.

- Ты можешь последить за Пепито? Мне хотелось бы знать, будет ли он выходить в ближайшие дни или принимать у себя кого-то, кроме постоянных гостей.

- Сделаю. Послушай, Мегрэ. Как давно мы не виделись! Десять лет?

Двадцать? Это было при расследовании дела Поркероль.

- Помню... Когда я покончу с этим, поеду отдохнуть куда-нибудь к солнцу, в твои края.

- Мне это доставит удовольствие.

Они вместе начинали службу на набережной Орфевр и свыше двух лет работали в транспортной полиции, пока их не перевели на охрану, сначала вокзалов, а потом универмагов. Оба тогда были молодые, неженатые.

Старый Жозеф принес вызов, который Мегрэ утром дал Анжеле.

- Впусти ее.

Она была бледнее и напряженнее, чем "накануне. Подействовала ли так атмосфера полицейского управления?

- Пожалуйста, садитесь.

Он открыл дверь в комнату инспекторов.

- Лапуэнт, можешь зайти? Возьми блокнот.

Молодой Лапуэнт часто заменял ему стенографа.

- Как видите, на этот раз допрос будет официальным. Все, что вы скажете, будет записано в протокол, который вы подпишите. Скорее всего, я буду задавать вам вопросы, на которые вы уже отвечали, но теперь ответы будут записаны.

- Словом, вы принимаете меня за подозреваемую номер один.

- Попросту за подозреваемую. Без номеров. Вы не питали никаких теплых чувств к своей тетке?

- Когда я сообщила ей, что беременна, она удовольствовалась тем, что дала мне сто франков.

- Значит, вы упрекаете ее в скупости?

- Она была эгоисткой. Не заботилась о других. Я уверена, что она вышла замуж во второй раз только из-за денег.

- У нее была трудная молодость?

- Вовсе нет. Ее отец был обеспеченным человеком, как тогда говорили.

Семья жила в районе Люксембургского сада, и обе девочки, моя мать и тетка, окончили хорошую школу. Только в пожилом возрасте мой дед потерял почти все свое состояние, когда занялся спекуляцией.

- И тогда она вышла замуж за Караме?

- Да. Он довольно часто приходил к ее родителям. Они долгое время думали, что речь идет о моей матери. Она тоже так думала, а в конце концов тетка прибрала его к рукам.

- А ваша мать?

- Она вышла замуж: за банковского чиновника, который не отличался хорошим здоровьем. Он умер молодым, и моя мать стала работать в торговой фирме на улице Парадиз.

- Значит, вы жили очень скромно?

- Да.

- Тетка вам помогала?

- Нет. Не знаю точно, почему я выбрала профессию массажистки. Может быть, потому, что в нашем доме жила одна массажистка, у нее была машина, на которой она ездила к клиентам.

- У вас тоже есть машина?

- Да, "ситроен".

- Чтобы ездить в деревню, в свой домик, когда он у вас будет?

Она нахмурила брови.

- Кто вам об этом говорил?

- Неважно. Кажется, вы всю жизнь мечтали о домике в деревне, недалеко от Парижа, куда можно было бы ездить на субботу и воскресенье?

- Не знаю, что в этом плохого. Многие об этом мечтают, разве нет? Моя мать тоже мечтала.

- Какое наследство вы рассчитываете получить после тетки? Тысяч сорок, пятьдесят?

- Не знаю. Я основываюсь на том, что она говорила. Быть может, она хранила деньги где-то еще.

- Словом, если вы ее посещали, то только из-за наследства?

- Раз вы это так понимаете... В конце концов она была единственной моей родственницей. Вы когда-нибудь жили один, мосье Мегрэ?

- А ваш сын?

- Я его редко вижу. Только тогда, когда у него затруднения. Он меня не любит.

- Подумайте, прежде чем ответить на вопрос, который я сейчас задам, и прошу помнить, что ваш ответ записывается. Часто ли вам приходилось бывать у тетки во время ее отсутствия?

Ему показалось, что она побледнела, но не потеряла хладнокровия. и - Вы позволите мне закурить?

- Пожалуйста. Но не могу вас угостить. На столе лежали одни трубки - шесть трубок, разложенных по величине.

- Я задал вам вопрос.

- Повторите его.

Он повторил вопрос - слово в слово.

- Это зависит от того, что вы понимаете под словом "бывать". Раза два я приходила на набережную Межесери до ее возвращения. Тогда я ждала.

- В квартире?

- Нет, на лестнице. Если она долго не возвращалась, я выходила пройтись на улицу, посмотреть птиц.

- Тетке никогда не приходило в голову дать вам ключ от квартиры?

- Нет.

- А если бы она почувствовала себя плохо?

- Она была убеждена, что с нею этого никогда не случится.

- Дверь всегда была заперта?

- Да. Даже когда она была дома. Она запирала дверь за собою.

- Кого она боялась?

- Всех.

- Она сердечно относилась к вам?

- Она никогда не была сердечной. Говорила, чтобы я присела, готовила мне кофе и вынимала из металлической коробки печенье.

- Она не спрашивала о вашем сыне?

- Нет. Она видела его, пожалуй, также редко, как и я.

- Она никогда не говорила, что лишит вас наследства?

- Зачем ей было лишать меня наследства?

- Вернемся к запертой двери. Я убедился, что замок несложный и легко можно снять оттиск.

- Зачем?

- Неважно. Возвращаюсь к моему вопросу с небольшим изменением. Вам никогда не приходилось оставаться одной в ее квартире?

- Нет.

- Вы хорошо подумали?

- Да.

- Тетка могла выйти на минутку, чтобы что-нибудь купить, например печенье, если коробка уже опустела.

- Этого не случилось.

- Вам никогда не случалось открывать ящики?

- Нет.

- Вы не видели сберегательной книжки?

- Заметила ее один раз, когда тетя что-то искала в комод.

- А чековую книжку?

- Не имею о ней никакого понятия. По правде говоря, я не знала, что у тетки был счет в банке.

- Но вы знали, что деньги у нее есть?

- Я догадывалась.

- Не только сбережения.

- Что вы имеете в виду? Не понимаю.

- Вы пробовали когда-нибудь одолжить у нее денег?

- Да, один раз. Я уже вам говорила. Когда я была беременна и когда она дала мне сто франков.

- Речь идет не о столь далеком прошлом. Вы мечтали о домике в деревне. Вы не просили ее помочь?

- Нет. Видно, что вы ее не знали.
- Я встречался с ней.
- И, как все, приняли ее за очаровательную старую даму со сладкой и немного стыдливой улыбкой. На самом деле она была тверда как сталь.
- У вас есть шарф в красную клетку или полоску?
- Нет.
- А в гостиной у тетки, на диване, есть подушка в красную полоску?
- Возможно. Кажется, есть.
- Почему вы вчера поссорились со своим любовником?
- Он сделался невыносим.
- Что это значит?
- Когда мне встречается мужчина, я не требую у него доказательств хорошего воспитания. Однако Марсель пересолил. Он не искал работы. Хотя десять раз мог ее получить в каком-нибудь баре. Но ему хотелось жить у меня и ничего не делать.
- Он знал вашу тетку?
- Ясное дело, я его не представила.
- Он не знал о ее существовании?
- Возможно, я когда-нибудь говорила ему о ней.
- И о том, что у нее куча денег?
- Я не выражаюсь подобным образом.
- Короче говоря, он знал, где она жила и что у нее были, по крайней мере, сбережения.
- Возможно.
- Вы видели его когда-нибудь на набережной Межесери?
- Никогда.
- А все-таки он был там, его видели, по крайней мере, два человека.
- В таком случае, вы знаете больше, чем я.
- Был ли у вас разговор о возможности пожениться?
- Разумеется, нет. С тех пор, как я имею сына, я не думала о замужестве. От мужчин я беру то, что хочу взять, но большего не требую.
- Понимаю. Теперь поговорим о револьвере.
- Еще?
- Ведь где-то он должен быть. Какое-то время он был в ящичке ночного шкафчика у вашей тетки. Вы утверждаете, что ничего не знали о его существовании и что тетка боялась огнестрельного оружия.
- Это правда.
- А все-таки она держала его под рукой. - Мегрэ медленно набивал трубку. - Сегодня утром мы нашли у вас следы этого оружия. Какое-то время оно лежало на шкафу. Или вы его там спрятали, или ваш любовник.
- Я не люблю этого слова.
- Оно вас смущает?
- Оно неточно. Между нами не было любви.
- Представим, что это он пошел на набережную Межесери.
- Чтобы убить мою тетку?

- Чтобы найти то, что я называю деньгами. Старая дама возвращается и сталкивается с ним лицом к лицу. Чтобы ее удушить, он воспользовался подушкой.

- Но зачем он взял револьвер? Зачем прятал его на шкафу, а потом забрал с собой в Тулон?

- Вы считаете, что он его взял?

- Если револьвер на самом деле существует, то, как вы сами говорите, где-то он должен быть. Я не была у тетки в день смерти. Уверена, что Марсель там тоже не был. Может быть, он и мерзавец, но не убийца. У вас есть еще вопросы?

- Вы уже занялись делами наследства?

- Еще нет. Сейчас мне надо идти к нотариусу, это муж одной из моих клиенток. Сама бы я не знала, кого выбрать. Она встала как бы с облегчением.

- Когда я могу это подписать?

- Вы имеете в виду ваши показания? Когда, Лапуэнт?

- Через полчаса я перепишу.

- Вы слышали? Попрошу подождать в приемной.

- Нельзя ли мне вернуться сюда позднее?

- Нет. Я хочу покончить с этим. С нотариусом вы увидите чуть позже.

А сегодня вечером вы станете богаче на несколько десятков тысяч франков.

Кстати, вы намереваетесь жить на набережной Межесери?

- Мне достаточно моей квартиры.

Выпрямившись, она подошла к двери и вышла, не говоря ни слова.

Мегрэ сел в ночной поезд.

Когда поднялось солнце, он проснулся в Монтельмаре, как обычно, когда ехал на юг. Здесь начинался Прованс, и с этого момента он смотрел в окно не отрываясь. Все ему нравилось растительность, бледно-розовые и лавандовые дома с нагретыми солнцем чердаками, деревни, осененные платанами, люди, сидящие в садиках кафе.

В Марселе, когда поезд маневрировал на вокзале Сент-Чарльз, Мегрэ слушал певучий акцент, и все казалось ему отличным.

Уже давно они с женою не были на побережье, и он дал себе слово, что летом отпуск проведет здесь.

Комиссар Марелла ждал его на вокзале и махал ему руками.

- Почему ты не приезжал раньше? Сколько лет ты не был в Тулоне!

Он был темноволосый, высокий, но не очень живой. Со времени их последней встречи у него вырос животик, что придавало ему вид обывателя.

- Хочешь кофе?

- Охотно. Я пил в поезде, но там был плохой. Они вошли в кафе и сели у стойки.

- Ну, что слышно?

- Ничего. Это сумасшедшее дело, из которого я никак не выберусь. Где сейчас Марсель?

- В постели. Ночью он гулял с приятелями в ресторане "Виктор", против Порт-Мархаид. Там была одна мелочь. В полночь к ним присоединились две девицы.

- Ты знал его, когда он тут жил?

- Он никогда долго не жил в Тулоне. Надо сказать, что местные типы не принимают его всерьез и считают любителем.

- Кто этот Боб, который служит им почтовым ящиком?

- Бармен из "Адмирала". Ни я, ни мои люди ни на чем его не засекли.

- А братья Джиованни?

- Здесь только один, старший, Пепито. Второй живет, кажется, в окрестностях Парижа. Пепито купил прекрасную виллу у старой американки, которая вернулась в штаты, чтобы умереть на родине. Это самая красивая вилла в Санари, с собственным портом, где он держит свою яхту. Он почти ни с кем не встречается, в особенности со старыми друзьями. Тем не менее я за ним присматриваю. Он об этом знает, и когда мы встречаемся на улице, демонстративно здоровается.

- Я все думаю: зачем Марсель к нему пошел?

- Мне это тоже интересно. Тем более что Марсель никогда с ним не работал.

- В какой гостинице он остановился?

- Отель "Пять континентов" на аллее Республики. Было только восемь утра.

- Хочешь пойти со мною? Это даст тебе кое-какое представление о деле.

Он будет в ярости, что его разбудили так рано.

Они поднялись наверх и сильно постучали в дверь. Через некоторое время заспанный голос спросил:

- Кто там?

- Полиция, - ответил Марелла.

Марсель босой, в истрепанной пижаме дотащился до двери и открыл ее.

- Скажите пожалуйста! Вы тоже здесь, - пробормотал он, увидев Мегрэ.

Он раскрыл ставни, закурил сигарету и взял с кресла брюки.

- Зачем вы приехали, мосье Мегрэ, если мы виделись позавчера?

- Может быть, затем, чтобы отвезти вас в Париж - Что? Вы шутите.

- Речь идет прежде всего о ключе.

- Каком ключе?

- От квартиры старухи. Кто снял оттиск с замка? Анжела не смогла бы сделать как следует.

Марсель даже не дрогнул.

- Об этом вы будете говорить в присутствии стенографа и подпишите протокол.

- Но, черт возьми, я не имею ничего общего с этим проклятым делом!

Ладно, я жил с жандармом. Ожидал, что найду что-нибудь получше, я не скрываю, и очень рад, что уехал от нее.

- По крайней мере два человека вас узнали.

- Где?

- На фотографии из картотеки полиции нравов.

- Что это за люди?

- Торговец птицами с первого этажа и женщина, живущая напротив старухи. Вы далее извинились, когда столкнулись с ней, взбегая с опущенной головой по лестнице.

- Им это приснилось.

- На вас был костюм в клетку, тот, что вчера.

- Их продают во всех магазинах. Только в Париже их не знаю сколько тысяч.

- Значит, у вас не было ключа. Дверь вы открыли отмычкой?

- Вы долго здесь будете?

- Не знаю. А что?

- Я хочу заказать кофе с рогаликами в номер.

- Пожалуйста.

Марсель позвонил горничной и отдал распоряжения.

- Не надейтесь, что я чем-нибудь вас угощу. Я не открывал никакого замка и не знаю даже, как это делается.

- Когда она сказала вам о револьвере?

- Кто?

- Вы хорошо знаете - Анжела. Вы не сами догадались, что в квартире старой дамы есть револьвер.

- Я не знал, что старая дама существует.

- Не правда. Анжела сама призналась и подписала свои показания - она показывала вам окна квартиры тетки и говорила при этом, что когда-нибудь получит после нее наследство.

- Вы в это верите? Разве вы не знаете, что она врет, как нанятая?

- А вы?

- Я говорю вам правду. Я не могу позволить себе солгать, как как полиция наблюдает за мной.

Горничная принесла кофе с рогаликами, и приятный запах наполнил комнату. Марсель, все еще босой и в пижаме, сел за круглый столик и принялся за еду.

Марелла взглянул на Мегрэ, как бы спрашивая, можно ли ему вмешаться.

Мегрэ кивнул.

- Что ты говорил Бобу? - спросил Марелла.

- Вчера вечером, когда приехал? Он рассказывал о себе, а и о себе.

Это мой старый приятель, мы много лет не виделись.

- И что еще?

- Не понимаю!

- Кто из вас подумал о Джиованни?

- Может быть, я. В свое время я знал его тоже. Я был еще щенком, а он жил на Монмартре.

- Почему же ты тогда сам ему не позвонил?

- А зачем мне ему звонить?

- Чтобы договориться. Боб это сделал вместо тебя. Что ты велел ему сказать?

- Не понимаю, о чем вы.

- Не валяй дурака. Ты прекрасно знаешь, что нельзя так просто постучать в дверь Джиованни, особенно такому мелкому альфонсу, как ты. А вчера ты пошел к нему, и вы беседовали целый час.

- Мы просто болтали.

- О чем?

Марсель нервничал. Беседа начала принимать неприятный оборот.

- Ну, я спрашивал, нет ли у него для меня работы. У него ряд предприятий, совершенно легальных. Ему мог бы потребоваться доверенный человек.

- Он дал тебе работу?

- Он должен подумать и через несколько дней даст ответ.

Марелла снова взглянул на Мегрэ, давая знак, что он закончил.

- Вы слышали, что сказал мой коллега Марелла? Вы пойдете в полицию и повторите там то, о чем говорили здесь. Подождете, пока протокол перепечатают, и подпишите его. Постарайтесь ничего не забыть, особенно что касается Боба и Джиованни. Без моего разрешения вы не выедете из Тулона.

Мегрэ и Марелла вышли на улицу.

- Я не слишком вмешивался в дело, которое ты ведешь? - спросил Марелла с некоторым беспокойством.

- Наоборот. Ты оказал мне большую услугу.

Бар находился на углу бульвара и узкой улочки, по которой было запрещено автомобильное движение. Он назывался "Адмирал". На тротуаре под ослепительным солнцем стояли четыре столика, покрытые скатертями в клетку. Внутри помещение казалось мрачноватым, но зато там был приятный холодок.

Бармен со сломанным носом боксера и сплюснутыми ушами был занят мытьем стаканов. В это время еще не было посетителей.

- Добрый день, комиссар. Что вам подать? - обратился бармен к Марелла, Мегрэ он не знал.

- У вас есть провансальское вино? - спросил Мегрэ.

- Розовое в графине.

- Два розовых. Или графин, если хотите. Мегрэ и Марелла чувствовали себя свободно, только Боб был чуточку напряжен.

- Скажи, Боб, у тебя был гость вчера вечером, правда?

- Вы знаете, здесь гостей предостаточно.

- Я говорю не о клиенте. Я имею в виду того, кто приезжал из Парили специально, чтобы увидеться с тобой.

- Увидеться со мной?

- Ну, попросить тебя об услуге.

- Не знаю, какую услугу я мог бы ему оказать.

- Давно ты его знаешь?

- Семь или восемь лет.

- У него все в порядке?

- Чего он хотел?

- Он был проездом, хотел поболтать.

- Просил тебя позвонить?

- А?

- Не строй из себя дурака. Один из моих людей сидел в зале и видел, как ты закрылся в телефонной будке, а твой приятель ждал. Он был спокоен. Когда ты вернулся и что-то тихо сказал, он вздохнул с облегчением.

- Речь идет, вероятно, о его старой подруге, Марии, он пошел повидаться с ней.

- Не надо быть таким деликатным, Боб. Ты звонил Пепито Джиованни, с которым когда-то работал, прежде чем образумился. Он согласился принять твоего приятеля Марселя. И это более чем странно, ведь Джиованни не принимает любого, особенно дома. Что ты ему сказал?

- Что сказал? Что у меня есть человек, который ищет работу.

- Нет!

- Почему вы говорите "нет"?

- Ты хорошо знаешь, что это не правда, впрочем, Джиованни первый над этим посмеется, когда я ему расскажу.

- Я сказал ему, что Марсель предлагает серьезное дело. Дело совершенно законное.

- Ты видел модель?

- Нет.
- Знаешь, в чем дело?
- Марсель мне не сказал. Сказал только, что пахнет большими деньгами. Дело международного масштаба, особенно заинтересует американцев.
- Ну, это уже лучше. В конце концов я тебе поверю. Джиованни согласился?
- Он сказал, чтобы я прислал своего приятеля вчера, в три часа.
- Это все?
- Он велел взять с собой модель и никого не приводить.

Розовое вино было холодным и пахло фруктами. Мегрэ прислушивался к разговору с легкой улыбкой.

Он всегда любил Марелла, который, возможно, занимал бы его место на набережной Орфевр, останься он в Париже Но в Тулоне он чувствовал себя лучше. Марелла родился в Ницце. Он знал здесь всех головорезов, всех девиц от Ментоны до Марсея.

- Хочешь спросить его о чем-нибудь, Мегрэ? Боб сдвинул брови.
- Вы хотите сказать, что это комиссар Мегрэ?
- Совершенно верно. Ты рискуешь иметь с ним дело.
- Извините, я вас не узнал, - и видя, что Мегрэ вынул бумажник, добавил:
- Нет, нет. Это за счет заведения.
- Не может быть и речи.

Мегрэ положил на стол десять франков.

- Думаю, как только мы выйдем, вы позвоните Джиованни.
- Нет, я этого не сделаю. Мне бы не хотелось быть с вами в плохих отношениях. С комиссаром Мегрэ тоже.

Они снова оказались на солнце, среди матросов с голубыми воротниками и красными помпонами на шапочках.

- Хочешь, пойдем к Джиованни вместе?
- Конечно.
- В таком случае зайдем ко мне за машиной.

Они миновали Ла Сен, издали увидели мыс Санари, в конце которого виднелась шикарная вилла.

- Это его дом. Далее если Боб не позвонил, это сделал Марсель, и Джиованни нас ждет. С ним так легко не пройдет.

ГЛАВА VI

Джиованни встретил их в большой, залитой солнцем гостиной. На нем был шелковый кремового цвета костюм, он подошел к ним с протянутой рукой.

- Добрый день, Марелла. Притворился, что внезапно узнал Мегрэ.
- Скажите пожалуйста! Мосье Мегрэ! Не ожидал такой чести.

Это был красивый, осанистый мужчина, без следов полноты. Ему было лет шестьдесят, но на первый взгляд можно было дать пятьдесят.

Гостиная была обставлена со вкусом, несомненно специалистом по интерьерам, а размеры придавали ей вид театральной декорации.

- Где хотите расположиться, здесь или на террасе?

Он проводил их на террасу, где под зонтами стояли удобные кресла.

Появился камердинер в белой куртке. Вытянувшись по стойке "смирно", он ждал распоряжений.

- Чем вас угостить? - спросил хозяин. - Может быть, "Том Коллинз"? В такое время это наиболее освежающий напиток.

Мегрэ кивнул, Марелла тоже.

- Два "Коллинза", Джордж. Для меня - как обычно. Он был тщательно выбрит, с ухоженными руками и маникюром. Держался свободно.

- Вы приехали сегодня утром? - спросил он Мегрэ, как бы желая завязать беседу.

Море простиралось до самого горизонта, а в маленьком частном порту колыхалась яхта.

- Я приехал ночным поездом.

- Наверное, не только затем, чтобы встретиться со мною?

- Когда я ехал в Тулон, я еще не знал, что зайду к вам.

- Тем более мне лестно.

В его взгляде была суровость, которую он тщетно старался скрыть под притворным благодушием.

- Словом, вы находитесь вне пределов своего района, комиссар?

- Верно. Но мой друг Марелла на своей территории.

- У нас очень хорошие отношения с Марелла, разве нет?

- До тех пор, пока вы не дадите мне повода вмешаться в ваши дела...

- Я живу так спокойно! Вы знаете об этом. Почти не выхожу из дома.

Этот дом стал всем моим миром Иногда зайдет кто-нибудь из друзей, иногда красивая девушка.

- К своим друзьям вы причисляете Марсея? Казалось, он был оскорблен.

- Этого мерзавца, который приходил вчера?

- А все-таки вы его приняли.

- Потому что моим принципом является давать каждому шанс. Когда-то и мне нужна была помощь.

- И вы ему помогли?

Камердинер вернулся, неся два запотевших стакана и стаканчик поменьше, наполненный томатным соком.

- Вы извините, но я никогда не пью алкогольных напитков. Ваше здоровье! Вы, кажется, задали мне вопрос?

- Я спрашивал, помогли ли вы ему?

- К сожалению, нет. Я не вижу ни одного места для него на своих предприятиях. Понимаете, господин Мегрэ, много воды утекло с тех пор, как мы встречались, я стал серьезным деловым человеком. У меня двенадцать кинотеатров на побережье, два из них в Марселе, один в Антибе, три в Канне. Я уж не говорю об Экс-эн-Прованс. У меня также кабаре в Марселе и три гостиницы, из них одна - в Ментоне. Все это совершенно легально. Правда, Марелла?

- Верно.

- Я также владею рестораном в Париже, на аллее Гранд Арми, где всем заправляет мой брат. Очень приличный ресторан, с удовольствием вас туда приглашаю.

Лицо Мегрэ было неподвижно.

- Вы понимаете, господа, что во всем этом нет места для маленького сутенера без полета?

- Он оставил модель?

Джиованни, несмотря на то что владел собою, вздрогнул.

- О какой модели вы говорите?

- Вы договорились с Марселем, ведь Боб сказал вам по телефону, что речь идет о серьезном деле, деле мирового масштаба.

- Не понимаю. Это Боб рассказал вам такую незатейливую историю?

- ...Оно особенно должно заинтересовать американцев.

- Но у меня нет никаких дел с американцами - Я вам расскажу одну историю, Джиованни, и надеюсь, что из нее вы сделаете кое-какие выводы для себя. Жила себе в Париже маленькая и обаятельная старая дама, которая вбила себе в голову, что во время ее отсутствия вещи в квартире меняют свои места.

- Не понимаю, что...

- Секундочку! Эта старая дама обратилась за помощью в уголовную полицию, и сначала ее приняли за сумасшедшую. Тем не менее решили сходить к ней, хотя бы только за тем, чтобы ее успокоить.

- Мне кажется, я что-то читал об этом в газетах.

- В самом деле, об этом писали.

- Сигару?

- Спасибо, нет. Я курю трубку.

- Извините, я не хотел вас прерывать. Итак, вы пошли к старой даме...

- Я еще до этого не дошел.

- Слушаю вас.

- У нее была племянница, уже немолодая особа, отличающаяся явной склонностью к мужчинам моложе себя. Шесть месяцев, например, она жила с Марселем, которого вы вчера приняли.

Джиованни начал проявлять интерес.

- Эта старая дама была убита прежде, чем я смог нанести ей обещанный визит.

- Как ее убили?

- Удушили. В ее возрасте она не могла долго сопротивляться.

- Интересно, какое отношение это имеет ко мне?

- Я же говорю вам, что Марсель был любовником племянницы. Двое свидетелей видели его дважды в доме старушки.

- Вы подозреваете, что это - он?

- Он или племянница. В конце концов это одно и то же.

- Чего они хотели?

- Модель.

- Что это значит?

- Это предмет, который Марсель показал вам.

- О каком предмете идет речь?

- Вы лучше меня это знаете, так как скорее всего он сейчас находится у вас.

- Я все еще не понимаю.

- Речь идет о револьвере. Сразу признаюсь вам, что не знаю, какие у него преимущества, и почему он такой ценный.

- Никогда в жизни я не имел оружия, вы должны об этом знать. Еще в старое время, когда я был неопытным молокососом, полиция часто меня задерживала, и никогда мне не могли пришить нелегальное хранение оружия.

Так что я не понимаю, зачем мне теперь брать револьвер у третьеразрядного сутенера?

- Не бойтесь. Я не буду просить моего друга Марелла обыскивать вашу виллу от подвала до крыши. Вы достаточно сообразительны, чтобы спрятать этот предмет там, где его не смогут найти.

- Благодарю за комплимент. Еще "Том Коллинз"?

- Одного достаточно, спасибо.

Мегрэ говорил вполголоса, как бы не придавая значения словам.

- Идя сюда, я не ждал, что вы мне объясните цель визита Марселя. Я хотел только предупредить вас. Уверен, он не говорил вам, что этот револьвер связан с убийством. Старая дама, которая проводила дни на скамейке в Тюильри, должна была по каким-то причинам вернуться домой раньше, чем обычно... Застигнутый пришелец схватил подушку с дивана и прижимал ее к лицу старухи... Вы теперь отдаете себе отчет в том, что это "международное" дело не подходит к вашим сегодняшним занятиям? Я имею в виду ваши кинотеатры, гостиницы...

Мегрэ замолчал и спокойно смотрел на Джиованни, который, должно быть, чувствовал себя отвратительно, но не показывал этого.

- Спасибо, что вы меня предупредили. Если этот тип вернется, его тут же вышвырнут за дверь.

- Он не вернется, если вы его не вызовете, а я знаю, что вы этого не сделаете.

- Вы сказали своему коллеге, Марелла, что я стал деловым человеком и нахожусь в прекрасных отношениях с местными властями и префектурой?

- Сказал.

- Мне остается только повторить вам, что с этим делом у меня нет ничего общего. Мегрэ, вздохнув, встал.

- Спасибо за "Коллинз".

Марелла тоже встал, Джиованни проводил их через просторный мраморный подъезд.

- С удовольствием готов встретиться с вами еще раз. Они сели в машину.

- Не отъезжай далеко, - попросил Мегрэ Марелла, когда они выезжали из ворот виллы. - Здесь должно быть какое-нибудь бистро, откуда виден порт у виллы.

Не выезжая из Санари, они остановились у маленького голубого кафе, перед которым четверо мужчин играли в шары.

- Я не совсем понимаю твое поведение, - тихо сказал Марелла. - Казалось, что ты веришь всему тому, что он говорит.

- Во-первых, человек этого типа никогда не признается. И в чем я могу его обвинить? В том, что после звонка Боба-бармена он принял какого-то преступника? Я даже не знаю, как выглядит этот револьвер.

- Он на самом деле существует?

- Да, существует. Именно его разыскивал пришелец, переставляя вещи в квартире старухи. А представляешь, что такое обыск в огромной вилле, даже при участии всей городской полиции? Ты думаешь, что Джиованни спрятал бы оружие в ящичке ночного шкафчика? Посмотрим, прав ли я.

Они увидели это четверть часа спустя. Мужчина в морской шапочке взшел на яхту и включил мотор. Несколькими минутами позднее Джиованни спустился по лестнице, ведущей к порту, и также поднялся на палубу.

- Револьвер начинает жечь ему руки, понимаешь? Он хочет как можно быстрее избавиться от него. Так или иначе дело потеряно.

Яхта вышла из порта и, оставляя за собой длинный след на воде, направилась в открытое море.

- Через несколько минут револьвер окажется на многометровой глубине.

Отыскать его нет ни малейшей возможности.

- Понимаю.

- Что касается меня, то свои дела в Тулоне я закончил.

- Я надеюсь, что ты поужинаешь и останешься у нас.

- Я возвращаюсь ночным поездом. Это необходимо. Продолжай следить за Марселем. Надо бы присмотреть за этим Бобом, для простого бармена он слишком важен. Ты действительно думаешь, что Джиованни стал примерным гражданином?

- Такие люди, даже если и порывают с прошлым, контакты с преступным миром поддерживают. Ты же видел.

Белая яхта описала широкий полукруг и уже возвращалась в порт.

- Ну, теперь он наверняка чувствует себя лучше, когда избавился от этой знаменитой "модели"

- Что ты намерен делать до отхода поезда?

- Хотелось бы встретиться с Длинным Марселем. В бар они пошли в пять часов. Снова было пусто. Боб не стоял за стойкой, а сидел за столиком напротив Марселя.

При виде полицейских Марсель не смог удержаться от возгласа:

- Снова!

- Да, снова. Дай нам графин розового вина, Боб.

- Сколько раз вам повторять, что я не убивал старуху?

- Возможно. Но ты был на набережной Межесери. Мегрэ обращался с ним добродушно, на "ты".

- Вам придется это доказать. И объяснить, зачем мне туда ходить.

- За моделью.

- Не понимаю.

- Недавно кое-кто посильнее тебя тоже не понимал. Но до него дошло.

Марсель побледнел.

- Вы были у Джиованни? Что он вам сказал?

- Дело международного масштаба, а?.. Которое может особенно заинтересовать американцев.

- Не знаю, о чем вы говорите.

- Это не имеет никакого значения. Предупреждаю, что тебе незачем ходить на виллу в Санари в надежде получить там деньги.

Он подошел к столику с графином вина и стаканами.

- Вы виделись с Джиованни? - спросил он, присаживаясь.

- Мы как раз от него.

- Он признался, что принял Марселя.

- И в том, что вы ему звонили.

Мегрэ маленькими глотками пил вкусное провансальское вино. Через два часа поезд повезет его в Париж. Он снова обратился к Марселю.

- Если ты действительно не убивал старуху, советую тебе рассказать всю правду и вернуться со мною в Париж. Марсель нервно сжал руки.

- Что ты об этом думаешь, Боб?

- Меня это не касается. Помогаю друзьям, когда им это нужно, и все.

Об этом деле я ничего не знаю.

- Зачем мне возвращаться в Париж? - спросил Марсель.

- Чтобы сесть в тюрьму.

- Но я уже вам говорил...

- Знаю, знаю. Это не ты убил старую даму. Если это сделала ее племянница, ты и так будешь отвечать за соучастие.

- И вы уговариваете меня уехать из Тулона затем только, чтобы меня арестовали?

- Я думаю, что парижский воздух будет тебе полезнее.

Марсель хитро улыбнулся.

- Нет, комиссар, я не такой уж наивный. Если у вас есть ордер на арест, то покажите и заберите меня. Вы прекрасно знаете, что не можете этого сделать, у вас нет доказательств, кроме показаний тех двух фальшивых свидетелей, которые видели костюм в клетку.

- Как хочешь.

- Стоило сидеть тихо все эти годы.

Госпожа Мегрэ услышала хлопанье дверцы такси у калитки и подбежала к открытому окну.

Мужа она ждала на лестнице. На голове у нее был платочек, она как раз принялась за уборку.

- Я думала, что ты останешься на ночь в Тулоне. Почему ты не позвонил, что возвращаешься?

- Хотел сделать тебе сюрприз.

- Устал? Приготовить ванну?

- Да, прекрасно.

Он побрился в поезде, как обычно, перед приездом в Париж.

- Удалось тебе сделать то, что хотел?

- Более или менее. Кстати, Марелла и Клаудин посылают тебе привет.

Они построили себе очень милый домик за городом.

- Клаудин такая же веселая?

- Она не изменилась. Только сын стал большим парнем и уже разговаривает басом.

Пока ванна наполнялась водой, он позвонил на набережную Орфевр; оказалось, что и на этот раз дежурил энергичный Люка.

- У вас ничего нового?

- Ничего особенного, шеф.

- Кто у тебя под рукой?

- Здесь Невю, Жанин, Лартю...

- Достаточно. Надо так устроить, чтобы кто-то постоянно, днем и ночью, следил за домом Анжелы Луге, массажистки. Прятаться не надо. Да, у нее есть машина.

Он долго сидел в теплой воде, пока жена готовила кофе. Около половины десятого он вышел, сел в такси и доехал до угла улицы Сент-Андре-дез-Арт. Дежурил Жанин, и комиссар пожал ему руку.

- Я иду увидаться с ней, и, возможно, после того, что она услышит, у нее появится охота исчезнуть.

- Не беспокойтесь. Мы договорились с Невю, что будем сменяться каждые три часа, а ночью нам поможет Лартю.

Мегрэ поднялся по лестнице, позвонил, и дверь открылась почти тотчас же. Анжела Луге была одета в черный костюм и как раз надевала шляпу.

- Снова вы! - вздохнула она. - Вы не мелете оставить меня в покое хотя бы на один день?

- Вы уходите?

- Разве не видно? Я не надеваю шляпы, чтобы приняться за уборку.

- Я как раз из Тулона.

- Каким образом это касается меня?

- Вот именно, вас это очень касается. Ваш любовник поехал туда на машине, и мы встретились.

- Между нами уже нет ничего общего.

- Ну, разумеется! Об этом свидетельствует то, что именно он взял на себя переговоры с Джиованни. Она вздрогнула.

- Из этого ничего не вышло, говорю вам это сразу, ваша тетка умерла зря. Вы знаете, где сейчас находится револьвер? В Средиземном море, на глубине нескольких десятков или сотен метров. Марсель не звонил, чтобы сказать вам это?

- Если бы он звонил, что вы приедете, вы бы меня не застали.

- Куда вы сейчас направляетесь?

- Слушать мессу, если хотите знать.

- Я хотел бы вам кое-что передать. Завтра утром вы должны быть у меня в полиции. Советую также взять с собой чемоданчик с вещами и бельем.

- Значит, вы меня арестуете?

- Это следует принять во внимание. В конце концов все зависит не от меня, а от судебного следователя. Еще одно слово, и я позволю вам идти.

Уже час как вы находитесь под наблюдением, и за вами будут следить до тех пор, пока вы завтра не окажетесь у меня в полиции.

- Я вас ненавижу!

- Ничего иного и не ждал.

Спускаясь по лестнице, Мегрэ слышал, как она меряет комнату быстрыми шагами, лихорадочно что-то выкрикивая.

Она вышла через десять минут и испугалась, увидев двух мужчин, стоящих на противоположной стороне улицы.

В это тихое солнечное воскресенье Мегрэ вернулся домой пешком. Он раздумывал, что будет делать после обеда. Иногда они выезжали куда-нибудь после обеда - за рулем была госпожа Мегрэ, но она боялась вести машину по воскресеньям, особенно в окрестностях Парижа.

Все равно, что они будут делать. Им никогда не было скучно вместе.

- Ты опоздал на пять минут - звонил твой друг Марелла. Просил, чтобы ты как можно быстрее позвонил ему домой.

- Я ждал этого.

Он позвонил в Тулон и минутой позже разговаривал с Марелла.

- Ты хорошо доехал?

- После твоего провансальского вина я спал как дитя.

- Ты догадался, почему я звоню?

- Что с ним случилось?

- Сегодня в семь утра его вытащили из воды в порту.

- Нож?

- Нет, пуля, калибр тридцать восемь, в середину лба. Они замолчали, погруженные в свои мысли.

- Ты дал ему хороший совет возвратиться в Париж вместе с тобою. Он хотел всех перехитрить. Думал, что ты его обманываешь, несмотря на все, он что-то вытянет из этой истории.

- Полагаю, Джиованни ни в чем не замешан.

- Он был осторожен. Я уверен, что убийца даже не знал, на кого работал. Инструкции он получил от доверенного посредника.

- Ты кого-нибудь подозреваешь?

- Да, на побережье есть человек двадцать, способных на такой номер.

Возможно, что пригласили кого-то из Ниццы, или из Канн, или из Марселя.

Этого типа, конечно, уже нет в Тулоне. Наверняка его никто не видел. Не сомневаюсь, что он когда-нибудь нам попадется, может быть, через четыре-пять лет, по совершенно иному делу.

- Что нашли в карманах?

- Ничего особенного. Две тысячи франков в бумажнике, паспорт, автомобильные права. В машине, стоящей перед гостиницей, ее технический паспорт. Мелочи... ключ...

- Пришли мне ключ.

- Сейчас это сделаю.

- Чемодан открыл?

- Второй костюм - в черно-белую клетку, белье. Никаких документов.

Книга в пестрой обложке.

- Не было записной книжки с номерами телефонов?

- Нет. Но возможно, кто-то меня опередил. По мнению врача, смерть наступила в час ночи.

- Клаудин не сердится на меня?

- Почему она должна сердиться?

- Из-за меня было испорчено воскресное утро.

- Она на кухне. Говорит, чтобы я передал от нее привет тебе и жене.

- Ты видел Боба?

- Нет. Надеюсь, такая судьба его не постигает. Было бы жаль, ведь он вел себя очень порядочно.

- Мне кажется, что он очень нужен Джиованни.

- Я подумал о том же. Ему нужен человек, выполняющий роль связника с гангстерами.

- А Боб прекрасно для этого подходит, правда?

- Ну, всего хорошего!

- Тебе тоже. Ты мне очень помог. Мегрэ положил трубку.

- Плохие новости? - спросила госпожа Мегрэ, видя его нахмуренное лицо.

- Как профессионал, я должен сказать, что новость прекрасная. В Тулоне убрали одного типа, и благодаря этому не надо будет ставить его перед судом. Это альфонс, который жил за счет пятидесятилетней женщины.

Он был, по крайней мере, соучастником преступления, если сам его не совершил.

- Ты имеешь в виду старую даму?

Старая дама в шляпке и белых перчатках. Да. Снова он увидел ее, когда она появилась внезапно перед ним на тротуаре набережной Орфевр, устремив на него глаза, полные восхищения и надежды.

Она мертва. Марсель тоже мертв, а предмет, который он так упорно искал, тот револьвер, лежавший попросту в ночном шкафчике, утрачен навсегда.

- Что у нас на обед?

- Телятина в белом соусе.

Они просидели дома до половины первого. Мегрэ включил радио, которое, конечно, ничего не сообщало о найденном в Тулоне трупе мужчины.

- Тебе не кажется, что на дворе слишком хорошо, чтобы слушать радио?

- У тебя есть какое-нибудь предложение?

- Пройдемся.

Она взяла его, как обычно, под руку, и они пошли в направлении Сены.

Потом попали на набережную Межесери и увидели запертые ставни магазина птиц.

- На каком это этаже?

- На втором.

- Кого-то это осчастливит?

- О чем ты говоришь?

- О людях, которые снимут квартиру. Отсюда один из самых красивых видов на Париж.

Они пошли дальше и вскоре оказались перед парком Тюильри.

- Присядем на минутку? - предложил он.

Наконец он смог сделать то, о чем мечтал со вчерашнего вечера. Мегрэ никогда не сидел на скамейке в парке. Он склонен был думать, что скамейки служили лишь постелью бродягам и местом для влюбленных.

И все-таки им долго пришлось искать свободную скамейку. Все были заняты, и не только пожилыми людьми. Мужчина лет тридцати читал учебник биологии. Игрушечные яхты плавали по прозрачной воде небольшого пруда.

Старая дама приходила сюда ежедневно, если стояла хорошая погода. Так же, как и стоящая сейчас рядом с ним старушка, которая кормила крошками хлеба подлетающих все ближе птиц.

Разве это не поддерживало силы? Жизнь, видимая отсюда, казалась простой и несложной.

- Хорошо здесь, правда?

- Ты пришел сюда из-за нее?

- Да, - признался Мегрэ. - Мне хотелось хотя бы раз в жизни посидеть на скамейке, - и добавил поспешно:

- Особенно вместе с тобою.

Домой они не пошли. Решили поужинать в своем любимом ресторане на площади Викторьез.

Они с аппетитом съели прекрасно приготовленную телятину под соусом, потом котлеты из ягненка, наконец, пирожное с земляникой.

- Это редко случается, - тихо сказала госпожа Мегрэ.

- Что?

- Чтобы ты посвятил мне почти весь день. Могу поспорить, ты завтра позвонишь и скажешь, что не придешь на обед.

- Возможно. Даже очень. Завтра у меня встреча с жандармом.

- Ты так называешь эту бедную женщину?

- Бедная женщина, которая скорее всего убила свою тетку.

- Это не было преднамеренным убийством?

- Хочешь ее защитить?
- Нет, но я много о ней думала. Ты говорил, что она некрасива. И такой была в молодости?
- Наверное.
- Если она не пользовалась успехом, ей пришлось завлекать мужчин по-иному.
- Из тебя получился бы хороший адвокат.
- Пятьдесят пять лет! Так ты говорил, правда? Изю всех сил держалась за Марсея, думая, что это последний.
- Они до сих пор цепляется за него, не зная, что с ним случилось.
- Тебе не кажется, что она попытается скрыться?
- Инспектор постоянно дежурит перед ее домом.
- Не хотелось бы мне быть на твоём месте завтра утром.
- Мне бы тоже хотелось быть в другом месте. Госпожа Мегрэ поняла ход мыслей своего мужа, когда он сказал:
  - Сын Марелла ни за что на свете не хочет быть полицейским. Если бы у нас был сын, что бы мы ему посоветовали?
- Держась за руки, они направились в сторону бульвара Ришар-Ленуар и долго шли молча.

ГЛАВА VII

Точно в девять старый Жозеф впустил Анжелу в кабинет Мегрэ. Комиссар посмотрел на нее иначе, чем обычно, с каким-то смущением, может быть, потому, что вспомнил вчерашние слова жены. Он даже поднялся, чтобы с нею поздороваться.

"Она действительно некрасива", - подумал Мегрэ. Был бы он так же суров с нею, если бы она была красивой женщиной?

- Поставьте чемоданчик и садитесь.

Все было приготовлено. Лапуэнт сидел за столом, готовый стенографировать.

- Кажется, уже девять, правда? Я не пошла к клиентке, у которой должна была быть в восемь. Вторая уже ждет меня. Из-за вас я теряю в заработке.

Вчера - он знал об этом из рапорта инспекторов - она вернулась домой сразу после мессы и больше не выходила, ч Свет в комнате горел до поздней ночи. Никто к ней не приходил. Она одна провела эти часы ожидания. Может быть, поэтому была сегодня такая бледная и подавленная.

Мегрэ поднял трубку.

- Пожалуйста, проверьте, пришел ли судья Либо? Он слышал звонок телефона, раздавшийся в тишине.

Мегрэ закурил трубку и сказал Анжеле Луге:

- Вы можете закурить.

- Очень мило с вашей стороны. Последняя папироса приговоренного, да?

- Сейчас самое время перейти к сути дела. Возможно, я задам вам вопросы, которые уже задавал, но, надеюсь, в последний раз.

Можно было подумать, что погода участвовала в этой беседе, создавая угрюмое и мрачное настроение - после двух прекрасных солнечных недель небо покрылось тучами, и Париж тонул в мелком дожде.

- Вы знали о каких-либо врагах вашей тетки?

- Нет.

Она была спокойная и понурая, как погода. На лице не было никакого выражения.

- А о друзьях?

- Тоже нет. Я не знаю никого из ее друзей.

- Вы были единственным человеком, которого она принимала в своей квартире на набережной Межесери?

- Насколько я знаю, да.

- Вы с нею договаривались о встрече?

- У тетки не было телефона. Я хотела провести, но она отказалась.

- Почему вы к ней приходили?

- Я была единственной ее родственницей. Как обычно, на ней был черный костюм, и она выглядела одетой в траур.

- Вы знали, когда ее можно застать дома?

- Да.

- Вы знали, как она проводит свой день?

- Всегда одинаково.

- С утра шла за покупками, верно?

- Да.

- После обеда, насколько я помню, немного дремала в кресле.

Она кивнула.

- Позже, если была хорошая погода, она шла в парк Тюильри и сидела там на скамейке.

- Обо всем этом мы уже говорили.

- У меня есть причины, чтобы повторить все это. Вы ее не любили?

- Нет.

- Вы все время помнили о тех жалких ста франках, которые она дала вам, когда вы, будучи беременной, просили ее - Такие вещи не забываются.

- Но, несмотря на это, вы к ней приходили. Сколько раз в месяц?

- Раз, иногда два.

- Всегда в одно и то же время?

- Почти всегда. Работу я кончаю в шесть.

- Она просила вас садиться?

- Я не ждала, пока она попросит. В конце концов это была моя тетка.

- И вы были единственной ее наследницей?

- Да.

- Вы об этом думали?

- Я говорила себе, что это обеспечит мою старость. Профессия массажистки более тяжела, чем кажется, и требует физических сил. Через несколько лет я буду слишком стара.

- В то же время вы занимали у нее деньги?

- Время от времени. Люди моей профессии не всегда могут зарабатывать.

Например, летом большая часть моих клиентов уезжает из Парижа, некоторые на два, три месяца.

- Вы ссорились с теткой?

- Никогда.

- Упрекали ее в скупости?

- Нет.

- Она знала, как вы к ней относитесь?

- Думаю, что да.

- Вы знали, что она не держит дома крупных сумм?

- Знала.

- Кто снял оттиск с замка?

- Не я.

- Значит, ваш любовник?

- Он никогда мне об этом не говорил.

- Но показал вам сделанный ключ?

- У меня никогда не было ключа.

- Вы уже начинаете лгать. У вас был ключ не только от квартиры, но и от каморки дяди Антуана, в конце коридора. Она молчала, как виноватый и упрямый ребенок.

- У меня есть для вас неприятное сообщение, может быть, в связи с этим вы измените свои показания. Я встретился с ним в Тулоне. Вы, конечно, знали, зачем он туда поехал?

- Нет.

- Вы опять лжете. В нескольких километрах от города находится вилла некоего Пепито Джиованни. Это бывший преступник, который остепенился и занимается сейчас серьезными делами. Возможно, Марсель когда-то работал на него, но был лишь мелким винтиком в его машине. Марсель никогда не был настоящим гангстером, а только маленьким аферистом, попросту статистом.

Мегрэ заметил блеск бешенства в глазах женщины, но она не произнесла ни слова.

Мегрэ снова поднял трубку, и на этот раз его соединили с судебным следователем.

- Это Мегрэ. Могу я зайти на минутку?

- Я вас жду.

Мегрэ оставил свою посетительницу с Лапуэнтотом и пошел к судебному следователю.

- Как продвигается следствие? - спросил тот его.

- Мне не хочется слишком спешить, но надеюсь, что сегодня его закончу. В субботу я был в Тулоне, там кое-что произошло, о чем я вам расскажу позже. А пока мне нужен ордер на арест Анжелы Луте.

- Вы думаете, что она убила старую даму?

- Еще не знаю, но надеюсь, что скоро узнаю. Ну и посмотрим, придется ли воспользоваться этим ордером.

Когда Мегрэ вернулся в свой кабинет, двое находившихся там людей выглядели, как восковые фигуры.

Мегрэ подал Анжеле ордер на арест.

- Я полагаю, вы знаете, что это означает, и, понимаете, зачем я просил вас принести с собой чемоданчик с бельем. Она не ответила, не пошевелилась.

- Прежде всего, поговорим о Марселе. В Тулоне я встретил его в баре "Адмирал". Он хорошо знал некоего Боба, бармена. Он говорил вам о нем?

Она сухо ответила:

- Нет.

Но была сосредоточенна и с беспокойством ждала, что он скажет дальше.

- Такой маленький аферист, как Марсель, не идет прямо к человеку такого калибра, как Джиованни. Ему нужен был посредник, и эту роль выполнил Боб. Я не знаю, что он говорил Джиованни, Марсель хотел передать что-то важное, так как бывший шеф принял его уже на следующий день. Вы меня слушаете?

- Да.

- Вы поняли, что я говорю о револьвере?

- Я никогда не видела револьвера, о котором вы говорите. Я вам уже говорила и повторяю еще раз.

- И опять вы лжете. Джиованни так заинтересовался этим оружием, что оставил его у себя. Я пошел к нему вскоре после этого, и у нас состоялась очень интересная беседа. Я рассказал ему, откуда взялся этот револьвер, рассказал также о роли, которую сыграл Марсель в убийстве вашей тетки. Видите ли, когда какой-нибудь гангстер составит себе состояние и совершенно или частично отходит от прежних дел, он не любит впутываться в подобные аферы Джиованни отдавал себе отчет, что обладание этим оружием несет в себе серьезную опасность, и едва я от него вышел, он на своей яхте поплыл в море. Так что этот пресловутый револьвер вашего дяди лежит сейчас на глубине нескольких десятков метров. Мегрэ выбил трубку и снова набил ее табаком.

- Еще одно событие произошло в Тулоне после моего отъезда. Я узнал об этом по телефону от моего коллеги, который позвонил вчера утром, сразу же после нашей с вами беседы. Только повторите, пожалуйста, что вас уже ничего не связывает с Марселем и что вы его окончательно прогнали.

- Я хочу знать, что случилось.

- Марсель стал для них опасным. А в тех кругах знают, что только мертвые молчат.

Она внезапно застыла, и ее голос изменился.

- Он умер?

- Вас это не касается, правда?

- Что именно произошло?

- Ночью он получил пулю в лоб. Калибр тридцать восемь, употребляемый профессионалами. Вчера утром его нашли в старом порту.

- Это ловушка?

- Нет.

- Вы клянетесь жизнью своей жены?

- Клянусь.

Тогда слезы поползли у нее по щекам, и она открыла сумочку, ища носовой платок.

ГЛАВА VIII

Мегрэ подошел к окну, чтобы дать ей прийти в себя. Дождь шел неустанно, и на улице были видны только лоснящиеся, мокрые зонтики. Он услышал, как она вытирала нос, а когда сел на свое место, она уже пудрилась.

- Как видите, дело кончилось ничем, не стоило убивать вашу тетку.

- Она всхлипнула, дрожащей рукой потянулась за пачкой сигарет и закурила.

- Остается установить, кто из вас, Марсель или вы, удушил старую даму.

Вопреки его ожиданиям, она ответила не сразу. Хотя теперь, когда ее любовник погиб, ей было легко защищаться.

- Следствие по его делу, конечно, прекращено. С вами дело иное.

- Почему вы меня ненавидите?

- Вовсе нет. Я стараюсь делать по-человечески то, что должен делать.

Но вы с первого дня меня обманываете. Как же я в такой ситуации могу вести себя иначе?

- Вы знали, что я его любила?

- Я знаю, что вы и сейчас его любите, даже мертвого.

- Это правда.

- Зачем же вы инсценировали эту ссору и уход?

- Это была его идея. Он думал, что этим собьет вас со следа.

Она смотрела ему прямо в глаза и в первый раз не старалась выкручиваться или лгать.

- Вы знали, что он поехал в Тулон?

- Да.

- Вы давно знали о существовании этого револьвера?

- Лет тринадцать-четырнадцать. Дядя Антуан относился ко мне с симпатией. Он был добрым, но довольно одиноким. Думаю, что в моей тетке он не нашел близкого человека, поэтому все чаще запирался в своей мастерской.

- Вы туда приходили?

- Довольно часто. Единственной его страстью было изобретательство, и почти каждый год он посылал на конкурс свои работы.

- Каким образом вы узнали о револьвере?

- Он работал над ним два года. "Я не решил еще одной проблемы, - признался он мне. - Если это мне удастся, то открытие наделает много шума". Потом он начал смеяться: "Я говорю о шуме, а это совершенно противоположная вещь. Ты знаешь, что такое глушитель?" Я видела это в кино и по телевизору. "Это такой предмет, - сказала я, - который прикрепляется к концу пистолетного ствола, чтобы не было слышно выстрела". - "Примерно то. Конечно, купить такую вещь нельзя, это запрещено. Представь себе, что можно будет глушитель сделать частью револьвера". Он был возбужден: "Подхожу к концу. Надо кое-что еще доработать. Когда я продам патент, все оружие и в армии, и в полиции будет бесшумным".

На секунду она замолчала, а затем прошептала:

- Он умер через два дня после этого. Я совершенно не разбираюсь в огнестрельном оружии.

Никогда потом я не думала об этом револьвере.

- Когда вы рассказали о нем Марселю?

- Где-то месяц назад. Даже нет, три недели. Я показала ему окна на набережной Межесери.

Сказала, что там живет моя тетка и что когда-нибудь получу после нее наследство.

- Зачем вы говорили ему о наследстве? Она покраснела и отвернулась:

- Чтобы удержать его.

Как видно, у нее не было иллюзий.

- Вскоре после этого, сидя в кафе, я рассказала ему историю револьвера, которая мне внезапно вспомнилась. К моему удивлению, это его сильно заинтересовало. Потом он спросил, есть ли у меня ключ от квартиры. "Нет". - "А одним ключом можно открыть и квартиру, и мастерскую?" - "Нет. Есть специальный ключ, но я не знаю, где тетка его хранит. Скорее всего, в сумочке".

Несколько дней мы об этом не говорили.

А как-то вечером он показал мне два ключа. "Что вы хотите делать?" - "Найти этот револьвер". - "Зачем?" - "Он стоит целое состояние. Когда вы убедитесь, что тетки нет дома и она не скоро

вернется, вы обыщите ее квартиру и мастерскую". - "Но я и так унаследую все после ее смерти". - "Такие женщины быстро не умирают. Вы можете ждать десять лет, забавляясь массажем баб".

Она взглянула на Мегрэ и вздохнула.

- Теперь вы понимаете? Я не сразу согласилась. Но мне не хотелось его потерять, а он все время возвращался к этому. В конце концов однажды днем я взяла ключи. Видела, как тетка пошла в сторону Тюильри, значит, до шести она не вернется. Я начала с квартиры. Обыскала все, старательно ставя вещи на место.

- Не так уж старательно, если она это заметила.

- Два дня спустя обыскала мастерскую. Всего я была в квартире четыре раза.

- А Марсель?

- Только раз.

- Когда?

Она отвернулась.

- В тот день, когда тетка умерла.

- Что он вам сказал, вернувшись?

- Меня не было дома. С половины шестого я была у клиентки. У госпожи де ла Роше, к которой я прихожу уже двадцать лет. Она живет в доме 61 на бульваре Сен-Жермен.

- Во сколько вы вернулись?

- В семь. Как обычно, она задержала меня своей болтовней.

- Почему вы не сказали, что у вас есть алиби?

- Тем самым я обвинила бы Марселя.

- Вам хотелось быть подозреваемой?

- До тех пор, пока вы не были уверены, кто из нас...

- Револьвер в самом деле лежал на шкафу?

- Да.

- А ваш любовник нашел его в ящике ночного шкафчика?

- Да. Мне и в голову не пришло искать его там... тетка панически боялась огнестрельного оружия.

- Ты записал, Лапуэнт? Можешь переписать показания на машинке. Только перед этим позвони госпоже де ла Роше.

Они остались одни, Мегрэ захотелось встать и подойти к окну.

- По делу Марселя следствие прекращено, нельзя преследовать умершего.

Но вы живы. Правда, к смерти тетки вы не имеете отношения. Во всяком случае, мы это установим.

Мегрэ взглянул на нее. Перед ним сидела уже не та женщина. С нее слетело все высокомерие. Черты лица и все тело ее стали как бы дряблыми.

В течение пяти минут, пока Лапуэнт не вернулся в кабинет, в нем царил тишина.

- Эта дама подтверждает сказанное, - сообщил Лапуэнт коротко.

- Вы отдаете себе отчет, в каком положении находитесь?

- Я прочитала ордер на арест и знаю, что это означает.

- Когда я вам его предъявил, то не знал еще вы или Марсель удушили тетку.

- Теперь вы знаете.

- Да. Я был там. Это не было заранее подготовленным убийством. Вы же не могли знать, что так получится. Иными словами, вы не соучастница. Вас можно обвинить лишь в том, что вы не выдали своего любовника и что прятали краденое оружие.

Выражение ее лица не изменилось. Можно было подумать, что жизнь перестала ее интересовать, что она далека от всего этого. Быть может, в Тулоне, рядом с Марселем?

Мегрэ открыл дверь в комнату инспекторов. Там был толстый Торранс.

- Пожалуйста, пройди в мой кабинет и никого не выпускай до моего возвращения.

- Слушаюсь, шеф.

Еще раз Мегрэ поднялся наверх, к судебному следователю.

- Это она?

- Нет. У нее неопровержимое алиби. И Мегрэ рассказал все коротко, как мог. Но и это заняло достаточно времени.

- Не может быть и речи о том, чтобы возбудить следствие в отношении Джиованни, - сказал он в заключение.

- Да, это ни к чему бы не привело.

- В конце концов она не более виновата, чем он.

- Это значит?.. - судебный следователь почесал в затылке - Вы так думаете? Вы хотите попросту отпустить ее?

Мегрэ признался, что эту мысль ему подала в некоторой степени госпожа Мегрэ.

- Следовало бы сначала установить ее долю вины, это было бы нелегко, особенно теперь, когда револьвер окончательно исчез.

- Понимаю.

Прошло еще четверть часа, прежде чем Мегрэ вошел в помещение уголовной полиции, - судебный следователь хотел побеседовать с прокурором.

Комиссар был слегка поражен видом Торранса, сидевшего в его собственном кресле за столом.

- Она не двигалась с места, шеф.

Анжела смотрела на Мегрэ без интереса, как бы примирившись со своей судьбой.

- Сколько вам лет?

- Пятьдесят шесть. Обычно я этого не говорю, чтобы клиентки не подумали, что я слишком стара.

- Где вы сейчас поселитесь, у себя или у тетки? Она изумленно посмотрела на него.

- Разве у меня есть выбор?

Мегрэ взял ордер на арест и порвал его.

- Вы свободны, - сказал он просто.

Она встала не сразу. Могло бы показаться, что ноги ей не повинуются.

Слезы поползли по щекам, она не старалась их вытирать.

- Я... я не нахожу слов, чтобы...

- Слова сейчас ни к чему. Прошу вас зайти после обеда подписать протокол.

Поколебавшись, она встала и медленно пошла к двери.

- Ваш чемоданчик!

- Правда, я забыла.

Но то, что пережила, она не забудет никогда.

<http://book.zehinli.info>